

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Мария Арбатова

ПИРАМИДЫ РОСТА

Мария Арбатова. Время жизни

Мария Арбатова
Пирамиды роста

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арбатова М. И.

Пирамиды роста / М. И. Арбатова — «Эксмо», 2022 — (Мария Арбатова. Время жизни)

ISBN 978-5-04-174772-5

«Пирамиды роста» – вторая часть романа «Берёзовая роща». Главную героиню, успешную целительницу Валентину Лебедеву, замечает среди участников ток-шоу влиятельная телепродюсерша Ада Рудольф и приглашает ведущей в новую передачу. Валентина не готова к этому, но соглашается ради приёмной дочери Вики. Вика, бывшая наркоманка, требующая постоянной эмоциональной загрузки, «влюбляется» в телевидение. Новая среда обрушивает на Валентину интриги, с которыми ей сложно справиться. Она готова прекратить сниматься после первой же передачи со Славой Зайцевым, но Ада заключает сделку: устраивает Вику посреди года учиться во ВГИК, требуя за это продолжения сотрудничества. Передача мгновенно становится популярной, Валентине не дают прохода на улицах, но Ада грубо манипулирует ею, не платя ни копейки. На дворе 1995 год, начинается предвыборная кампания в Государственную думу. Интересы Ады Рудольф и бывшего министра, а ныне депутата Горяева, с которым у Валентины роман, мощно пересекаются. И она оказывается меж двух огней...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174772-5

© Арбатова М. И., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Часть вторая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мария Ивановна Арбатова

Пирамиды роста

© Арбатова М., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается Олегу Вите

*Всё боится времени, а само время боится пирамид.
Египетская пословица*

Часть вторая

Пирамиды роста

Вале казалось, что на фоне ужасов весны 1995 года, посреди голодной воюющей страны, она всё-таки прибилась к надёжному берегу. Во-первых, добытая потом и кровью квартирка в Москве. Во-вторых, вытащила из лап насилия и унижения мать, хотя бы в пятьдесят шесть начавшую жить по-людски.

В-третьих, отвоевала у наркотиков Вику. В-четвертых, тащила на себе целительский «Центр «Валентина», пока другие депрессовали, размазывая по щекам слёзы и сопли. В-пятых, упала в объятия Виктора, которого девять лет считала несбыточной мечтой.

Однако за матерью был нужен глаз да глаз. Вика требовала яркого наполнения жизни, угрожая сорваться. Работа выматывала так, что вечером Валя падала от усталости, а по утрам вставала с упрямством ваньки-встаньки, ничуть не отдохнувшей. Да и Виктор не находил времени, чтоб хоть почаще звонить и спрашивать: «Как поживаешь, ласточка моя?»

В этих предлагаемых обстоятельствах Валя ни за что не пошла бы на семинар по литотерапии, если б Вика не принесла сорванное со столба объявление и не заняла, что ей это жизненно необходимо. Видите ли, Юкка рассказывал ей в Хельсинки о магических свойствах камней такое, что шаманский бубен по сравнению с ними – детская погремушка.

Родившаяся и росшая на Каменоломной улице неподалёку от щебёночного завода, Валя панически боялась камней. Ведь когда умирал кто-то из работавших «на щебёнке», в словарный запас соседей стаей птиц налетали слова «гранит, габбро, мрамор, амфиболит, известняк». Громяхающие самосвалы возили на щебёночный завод глыбы с этими названиями, и партком с месткомом решали, какую из них пожертвовать на могилу.

Ударникам коммунистического труда доставался гранит, работникам поплоше – непрочный известняк, а начальству заказывали плиты из мрамора. Вокруг этого бушевал фольклор типа «не дорости тебе до гранита», «вкальвай, не вкальвай, ляжешь под известняк» и т. д. Выйдя из деревянного, лесного, травяного и тряпочного мира, Валя относилась к камням к свите смерти и старалась держаться от них подальше.

А Соловецкий камень, на открытие которого водила Юлия Измайловна, поразил её так, что потом, проезжая мимо Лубянской площади, Валя сдерживалась, боясь прилюдно разрыдаться. Ведь он был про деда и бабушку. Про их неоплаканную трагедию. Да и регрессия, в которой Валиного «отца» завалило в прошлой жизни мрамором при взрыве в карельском карьере Рускеалы, подогревала чувство опасности, исходящее от камней.

Семинар по литотерапии проходил в аварийном подвале Большой Полянки. С потолка сыпалась штукатурка, по дороге к сортиру подтекала труба и стояла лужа, а старые лампы дневного света стрекотали как цикады перед грозой. Из-за стены раздавались странные звуки: казалось, там по очереди просыпаются и несутся по игрушечным рельсам сотни игрушечных паровозиков.

Литотерапии обучала немолодая армянка Гаянэ с глазами, в которых можно было утонуть. В зал набилось человек пятьдесят, и пожилой мужчина в допотопной военной рубашке сел в первый ряд и вызвался решить проблему с отвлекающими паровозиками за стеной.

– Они не откроют дверь, – осадил его Гаянэ низким красивым голосом. – Не волнуйтесь, я буду рассказывать громко.

– Кто ж там безобразит? – спросил пожилой.

– Это вьетнамцы отшивают итальянские бренды, – пояснила Гаянэ.

Записывать за ней, держа тетрадь на коленях, было неудобно, но все заскрипели шариковыми ручками по бумаге.

– Раскопки на территории Индокитая и Средиземноморья свидетельствуют о лечении камнями ещё в эпоху палеолита. Позже о литотерапии писали Геродот, Плутарх и Плиний Старший. Целители из разных стран разгадывали, какими вибрациями и излучениями заряжены камни, и обменивались правилами их использования, – начала Гаянэ, размахивая большими породистыми ладонями.

– Расскажите, как использовать? – не утихал пожилой.

– Расскажу, – кивнула Гаянэ. – Одни камни толкли в порошок для приёма внутрь, другие носили в украшениях для профилактики, третьи прикладывали к телу на время обострений. В Средневековье литотерапия подверглась в Европе гонениям, духовенство объявляло лечебный эффект камней дьявольщиной, а литотерапевтов приравнивало к колдунам...

– Попы и сюда влезли! – возмутился пожилой.

И Валя подумала, что знает его, в том смысле, что точно такие же мужчины и женщины посещали занятия Льва Андроновича, сидели на семинаре по рейки-терапии, бесконечно записывались на её приём, не за тем, чтоб лечиться, а чтоб порассуждать о методах лечения, в которых разбирались как баран в апельсинах.

– За версту видно, что к ним не пойдут пациенты. Зачем только тратят деньги на учёбу? – спросила она как-то Юлию Измайловну.

– Это их «Будка гласности». Жили тусклой советской жизнью, не смели рта открыть, а теперь объявляют соседям: «Стал целителем, приходите!» – объяснила Юлия Измайловна. – Что пенсионеры? У меня старшеклассники говорят: пойду в Чумаки и Кашпировские.

– Они ж на занятиях сидят для виду. Сама половины не понимала, а они вообще ни слова. Просто им дети забаву оплатили.

– Важно не это, важно, что народная медицина, уничтожаемая коммунистами, вернёт свой статус. Европа преследовала за колдовство, СССР объявлял всё непонятное лженаукой, а теперь пишут, что богачи со всего мира ездят лечиться в Индию и Китай, где никто не запрещал их традиционную медицину.

Гаянэ продолжала:

– Тем не менее в Ветхом Завете упоминаются «двенадцать камней», украшающих наперсник Аарона и библейских первосвященников. Наперсник – это нагрудник в облачении первосвященника. Камни на нём в четыре ряда по три: изумруд, гранат, аметист, бирюза, агат, оникс, лазурит, сердолик, нефрит, янтарь, хризолит и яшма. И на каждом камне название колен Израилевых, образовавших этот народ.

– Красиво жить не запретишь, – выдохнул с тоской женский голос за спиной Вали и Вики.

– И пока Запад запрещал литотерапию, китайцы продолжали менять камнями энергию в четырнадцати меридианах человека, а индусы, опираясь на астрологию, корректировали камнями здоровье и благополучие, – говорила Гаянэ, расхаживая взад-вперёд в тунике с причудливо вытканными узорами. – Литотерапия включает в себя минералотерапию, кристаллотерапию, металлотерапию, гемотерапию, стоун-терапию, массаж кристаллами и друзой...

– Друзой? – переспросил тот самый пожилой мужчина.

– Это соцветие кристаллов с острыми краями, – остановилась напротив него Гаянэ.

– Щётка, что ли? – спросили сзади.

– «Щётка» – грубо по отношению к такой красоте, хотя переводится с немецкого именно как «щётка», – согласилась Гаянэ.

– Если ею массировать, сдерёшь всю кожу, – подала голос Валя.

– Так и иглы не большое удовольствие, но китайцы втыкают их не больно. С друзой тоже всё решает мастерство. – Гаянэ вернулась к лекторскому маршруту взад-вперёд. – Если вы хотите работать с камнями, то должны почувствовать, понять и полюбить их. Камни наделены способностями диагностировать, лечить, защищать, регулировать энергетический баланс

человека. Важно, чтобы камень имел минимальную обработку, огранка и шлифовка отнимают у него часть целебных свойств.

– Украшения же из огранённых, – напомнил женский голос сзади.

– И потому помогают меньше, – кивнула Гаянэ.

– А как же выращенные камни? – продолжал женский голос.

– Выращенные камни – мертвечина. В них нет энергии, лечить ими бесполезно. Они совпадают по параметрам прочности, структуре кристаллов и оттенков цвета, но ни один кристаллограф не может вложить в них душу.

– Как понять, твой камень или нет?

– Чтоб войти с камнем в контакт, сожмите его в ладони и подумайте о своей проблеме или о болезни. Если камень потеплел, отозвался, держите его на теле, пока не начнет мешать. А дальше вас поведет интуиция...

– Туго у меня с интуицией, – недовольно заметил пожилой в военной рубашке.

– Тогда вы напрасно пришли на мой семинар, вся народная медицина построена на интуиции. Люди часто влюбляются в украшение на витрине магазина. Некоторые считают это мещанством, на самом деле их просто «позвал камень».

В голове у Вали мелькнуло, что никогда не хотелось взять в руки Свенос бриллиант, он казался пустой стекляшкой. Впрочем, и остальные драгоценные камни ощущались как горка щебня у барака на Каменоломке. Но ей стало интересно про эту рафинированную Гаянэ, захотелось понять, за кем она замужем, сколько у неё детей, как лечит камнями пациентов в своей роскошной квартире?

– Чтобы достать из камня энергию и понять её свойства, надо представить себя окутанными его эфиром и впитать этот эфир в себя. Образ романтический, но самый точный, – продолжила Гаянэ. – Ведь литотерапия – магия, как и любая другая медицина...

После окончания семинара восхищённая Вика спросила:

– Откуда вы всё это знаете?

– Армяне живут в обнимку с камнями, – улыбнулась Гаянэ. – Свидетельство о рождении Еревана выбито клинописью урартского царя Аргишти I в 782 году до нашей эры, камни-фаллосы стоят в Мецаморе со II тысячелетия до нашей эры. А в 1975 году на территорию монастыря Гегард сорвался со скалы камень в несколько тонн, не задев ни людей, ни постройки, и вежливо улёгся во дворе!

Слушатели обступили Гаянэ.

– У вас, армян, всё необыкновенное, не то что у нас, азербайджанцев! – вдруг с акцентом ляпнул худой носатый парень.

– У азербайджанцев тоже всё необыкновенное – мой муж азербайджанец! – резко обернулась к нему Гаянэ. – И мы в Москве, потому что у него дома меня убьют такие, как ты, а у меня дома его убьют другие такие же! Мы оба скульпторы, но я веду семинары, а он – выбивает надписи на могилах... Ты доволен?

Всем стало стыдно за худого носатого парня, и Гаянэ разрядила обстановку:

– Ладно, говори, зачем пришёл? Хочешь камнями лечить?

– Нет, я... – он стоял красный как рак. – У индусов бусы продаю, думал про камни послушать...

– Как зовут?

– Бахрам.

– Телефон напишу, придёшь в гости, муж тебе про камни расскажет. Мы, Бахрам, хорошую комнату снимаем, я тебе люля-кебаб приготовлю, а то уж больно ты тощий!

– Гаянэ-ханум, простите барана... – смешался парень и выбежал.

И в наступившей тишине из-за стены особенно отчетливо зажужжали сотни игрушечных паровозиков, отшивающих вьетнамскими руками итальянские бренды.

Вика была на седьмом небе от семинара и два часа пересказывала его Юкке по телефону. Валю тоже околдовали слова и образ Гаянэ, но она никак не могла разложить услышанное по полочкам, словно побывала на опере на иностранном языке.

Юлия Измайловна уверяла, что в опере не обязательно понимать, про что поют, надо наслаждаться пением и музыкой, но Валя не умела наслаждаться непонятным и тарасилась в темноте зала в либретто. Либретто литотерапии у неё не было, дома драгоценных камней, кроме бессмысленного шведского бриллианта, сроду не водилось.

Подаренные Марком серёжки с бледно-розовыми камушками Вика давненько обменяла на наркоту, а Валя и не поняла, что там были за камни. У матери тем более не было ювелирки. Зачем она, если муж найдёт да пропьёт?

Лев Андронович на занятиях в духовном университете постоянно напоминал, что нужная информация сама найдёт человека, а ненужная спрячется, как ни взламывай информационное поле. Натиск «каменной» темы показался Вале важным, но что-то мешало к ней подступить.

Покой и защищённость её детства символизировал бабушкин деревянный дом в деревне Берёзовая Роща. И когда в бараке на Каменоломке было так тяжело, что хотелось побыстрее умереть, Валя прижимала ладошки к деревянной стенке, и дерево словно вытягивало боль.

Выстраданная матерью отдельная квартира не ощущалась до конца каменной: неуклюжие хрущёвки торчали в городке без специального плана, перемежаясь частными домишками и кусками поредевшего лесочка. Областной центр, где Валя закончила медучилище, был более каменным, более затейливым, со строгим военным порядком домов и старым купеческим центром.

А Москва обрушилась на голову необъятной архитектурной симфонией, и Валя не понимала её, пока не сообразила про принцип колец и не представила себе огромные пяльцы, на которых небесный диспетчер вышивает камнями гигантские картины.

Прежде Валя считала ерундой даже стоун-терапию, мол, в массаже нет ничего лучше живых рук, хотя Лев Андронович принёс ей ротапринтную брошюру о китайском массаже камнями. Но Гаянэ сумела одним семинаром оживить и очеловечить каменное, ощущавшееся прежде как энергетические провалы.

На первом этаже Маргаритино дома находился ювелирный магазин «Изумруд», туда Валя с Викой отправились постигать душу камней. Ряды штампованных серёжек и колечек выглядели скучной мишурой, но вдруг в комиссионном отделе на Валю сверкнул огромный глаз старомодной брошки, и внутри что-то заняло.

– Что за камень? – спросила она взволнованно.

– Аквамарин, – буркнула продавщица, тряхнув фиолетовыми и пепельными прядями взбитых волос.

– А поподробней? – грубовато потребовала Вика.

Продавщица подняла глаза и заулыбалась:

– Ой, я ж у вас вены лечила! Смеялась, что велели есть семечки, лук, чеснок, помидоры и овсянку, а ноги-то болеть перестали.

– Вспомнила вас, – улыбнулась Валя. – Ещё клюкву, лимоны, свёклу. И пешком ходить с работы до Ленинских гор.

– Хожу как приговорённая! – благодарно затараторила продавщица. – Оправа – серебро 875 проба. Застёжка шомпольная. Свердловский ювелирный завод. Сделано в шестидесятые. Не надо вам такое: дорогой как чугунный мост, к тому же из бабкиной шкатулки. Вам лучше посовременнее.

– Дайте в руках подержать, – попросила Валя.

Продавщица подала брошку с витрины и, перегнувшись через прилавок, зашептала:

– Начальство запретило в руки давать! В ювелирный на Ленинском три дня назад пара вошла. Одеты фирменно, типа покупатель. Баба кольцо с крупным рубином померила, да как ломанётся в двери! А мужик охраннику в глаза баллончиком! В тачку прыг, и поминай как звали, а номера перебиты. Продавщицу уволили, на счётчик поставили. Охранник в глазной больнице. Представляете, в какое время живём?

Валю так интересовал камень, что не ответила. Зажала в кулаке, прикрыла глаза и поняла, о чём говорила Гаянэ. Её пробило и околдовало, словно услышала шум водопада и почувствовала, что стоит у прилавка по пояс в воде аквамаринного цвета.

А у колечек и серёжек отрастают плавнички, и они вырываются из тюрьмы стеклянных витрин крохотными золотыми и серебряными рыбками. Стало так хорошо, что не выпускала бы брошь из ладони.

– Берёте? – изумилась продавщица.

– Дорого, – вздохнула Валя.

– Нефига на себе экономить, – встряла Вика.

– Долг платежом красен. С мужчиной своим придите, а я уж его разведу на покупку, – подмигнула продавщица.

– Нет такого мужчины, – пожалала плечами Валя.

– Под лежачий камень вода не течёт. Надо вам стрижечку модную, пряди как у меня покрасить. И по ресторанам. Там полно бандитов, такую, как вы, не пропустят, – посоветовала продавщица. – Мне-то легко, стою как на выставке – все мужики мои! А вы в своём кабинете одних стариков и нищевродов видите.

Когда вышли из ювелирного, Валя взволнованно призналась:

– У меня получилось с этим аквамарином... Всё как Гаянэ сказала.

– Фигасе! – удивилась Вика.

– Как продавщица такие волосы сделала? В галантерее же только хна да басма.

– Тыришь копирки из учреждения, трёшь ими хаер. От синих синие пятна, от чёрных – пепельные.

– А подушка потом какая? – ужаснулась Валя.

– Подушке шиндец... А ты не знаешь, когда Катя нас снова на телик позовёт?

– Позовёт, – пообещала Валя.

И после визита в ювелирный стала присматриваться к украшениям пациенток, складывавших их на время лечения в стакан. Советовала по конспектам семинара Гаянэ: «Например, у вас синяк на ноге и сердолик в сереге. Приклейте на ночь сердолик к синяку пластырем. Он убирает следы лопнувших сосудов, заживляет открытые раны, снижает температуру. Или, например, давление попробуйте не сбивать таблетками, а носить жемчуг. Ещё можно класть на ночь в стакан воды жемчужные бусы и пить эту воду утром. Жемчуг и воду очищает». Гаянэ словно приподняла перед Валею занавес.

И теперь даже здания, не сильно занимавшие прежде, стали рассказывать ей: смотри, мы живём дольше людей и диктуем им, каков мир сквозь наши окна. Повторяемость наших граней, углов и рёбер формирует ваши мозги. И потому ты одна в своей хрущёвке, другая – в кабинете, третья – когда гуляешь по старому центру. И какой тебе быть, решаем мы, камни.

Валя и без того не понимала: зачем дома строят многоэтажными? Ведь вот сейчас дома над ней – три этажа грязной энергии чужой жизни, сползающей вниз и поглощаемой землёй, как промокашкой. А где-то строят по двадцать этажей, и люди купаются во в двадцать раз более тяжёлой энергии.

Не говоря уже о том, что Юлия Измайловна называет «дурновкусием лужковской архитектуры»: офисы-монстры с бульдожьими мордами, огромные ящики торговых центров, элитные дома сомнительной внешности. А ведь камень, значит, на века, значит, не поправить.

Вика под впечатлением мастер-класса приобрела несколько книг по литотерапии и фантазировала вслух, как заработает и купит Вале и матери ангелов-хранителей – сапфиров, рубинов и изумрудов. Потом приносящих деньги камней зелёных оттенков.

А дальше – горного хрусталя, аметиста и глазковых кварцев, чтоб путешествовать с их помощью во времени и предсказывать будущее. У подаренного Южкой бубна появились бесшумные конкуренты, и Валя с матерью не могли этому нарадоваться.

Как-то Вика достала из коробки с пшёнкой и долго-долго разглядывала бриллиант, подаренный Вале Свенном:

– Брюлик болеет, когда не носят!

– Он мне совсем чужой. Подрастёшь, наденешь, – пообещала Валя.

Да и куда носить? На работу Валя по-прежнему заправляла под одежду подаренные Соней и Юлией Измайловной часы-кулон фабрики «Заря» с голубым стеклом под цвет глаз. Таким же по цвету, как аквамарин из недосыгаемой броши в витрине ювелирного магазина.

И всё время поглядывала на циферблат сотового телефона, словно там был ответ, когда позвонит Горяев. Но Горяев не звонил. И когда на экране таял столбик зарядки, Валя включала телефон в розетку и приговаривала: «Ну что, забыл нас с тобой депутат?» Точно так же, как прежде говорила подаренной им кукле: «Ну что, забыл нас министр?»

Мать занимала себя охотой на дешёвые продукты на Черёмушкинском рынке и светской жизнью на сборищах секты «МММ», а Вика снова маялась от скуки, ей снова не хватало событий. И Валю это сильно тревожило.

Но вот позвонила Катя:

– Тётка приехала, спиной страдает. Выручай, Валентина! Завтра придёт без денег. Телеком заплачу, в кадр высажу.

– Лучше Вику там куда-нибудь приткни, она прямо заболела телевидением. Все уши мне прожужжала, – после второй съёмки Валя позволила себе перейти с Катей на «ты». – А тётку присылай в три. Только со своей простынёй.

Тётка, конечно, пришла без простыни. Оказалась такой же трынделкой, как её младшая племянница Таня. И, лёжа на простыне этой самой Тани, поливала её с первой секунды лечения:

– Думали, пристроили Таньку к бандиту, можно расслабиться. Танька-то с детства куколка. Губки бантиком. А тут вдруг бандит к ней приходит, говорит, люблю тебя как подорванный, но девчонка от меня беременна. Не трави душу, давай все вместе. Нет, ну, не это самое вместе, хотя кто его знает в наше время... Вместе отдыхать, веселиться. Баня-шманя, дачи-шмачи. Танька ночью порыдала и согласилась. Девчонке этой беременной лет шестнадцать. Длинная проститутка, на каких одежду показывают. Он с проституткой на важные приёмы ходит, а с Танькой на жрачки попроще. Таньке говорит, в койке с тобой хорошо, но показывать надо молодую и тощую, я ж не нищий. Сделал Таньке евроремонт, джакузю поставил, джакузю возьми и провались вниз – дом старый, перекрытия деревянные. Хорошо, никого не прибило, но попал на такущие деньги. Бандитов послал к ремонтёрам, чтоб всех, что джакузю ставили, самих отремонтировали. Одним словом, видно, что Таньку любит!

– А живёт он с кем из них? – не выдержала Валя.

– Ни с кем! Человек он солидный, порядочный, живёт с женой и детьми. Короче, Танька как сыр в масле катается, хоть и вместе с беременной проституткой, а Катька-развалина на телевидении крутится. Катька родителям денег даёт, от Таньки не дождёшься. Приносит, что от бандита останется: фрукты, еду, вино. Катька и семью сына содержит, он по жизни без работы. То считал себя режиссёром, то картинки рисовал... то женился по залёту. А когда девчонками были, Таньке – всё, Катьке – ничего. Говорили, ты старшенькая, обойдёшься! Выросла Катька большим человеком, а Танька – подстилка бандитская, хоть и с хорошим дипломом, – сокрушалась тётка.

Сама Катя нарисовалась через пару дней. И снова без простыни и предупреждения.

– Слышь, Валентина! Центр бесплодия нам напрямую пробашлял, чтоб с каналом не делиться. Снимаем про роды, про то, про сё, про всё, – устало перечислила она, лёжа на кушетке. – Наплетёшь про роды в воде или на Марсе. Подсадка из зала вякнет, вам хорошо в воде, другие вообще не знают, как забеременеть! А тут у нас в кустах рояль, в смысле Центр бесплодия.

– Не нравится мне в передаче сидеть, – созналась Валя. – С Зайчиковым дурой себя чувствовала.

– Горбушкина поумней Зайчика и так не стрекочет. Одна проблема, она Горяева уложить хотела, у неё дельце не клеится, специально его на передачу позвала. Прыгала вокруг, глазки делала, а ты подошла, бедром качнула...

– Я не бедром качнула, – возмутилась Валя. – Мы с ним девять лет не виделись. Он был министром, а я в том министерстве работала.

– Ох, а я думала, ты без роду, без племени! – воскликнула Катя. – При таком папике мы под тебя передачу про здоровье слепим, а он оплатит!

– Не мой случай, – огрызнулась Валя.

– Тогда в конце третьей серии причислим тебя к лику святых. Пойми, Валентина, нормальные люди ведущими практически не становятся. Дочки, любовницы, блатные сыроежки. А твои данные закапывать жалко. У тебя серьёзка с Горяевым? – уточнила Катя.

– Да, – сказала Валя и покраснела.

– А у меня с мужиками не клеится. Плохого не хочу, а хороший меня не хочет. Подводку на позавчерашней съёмке сделала: «Мерою достоинства женщины служит мужчина, которого она любит!» Горбушкина это так выговорила, будто ей в рот кусочек говна положили.

– Классно сказано!

– Это Белинский, – усмехнулась Катя.

– А что ты думаешь о Горяеве? – решила спросить Валя.

– Не знала, что был министром. В остальном – практически хрустальный. Насколько хрустальным может быть депутат...

В середине мая руководителя «Аум Синрикё» Сёку Асахара арестовали, обвинив в организации убийств и похищений двадцати шести человек. Услышав, что его ждёт смертная казнь, Вика дёрнула плечиком:

– Все великие чуваки так кончают. Не зря ж говорил, что он новый Христос!

Она больше не фанатела по нему, не чувствовала себя «аумсинрикёршей», а вступила в секту по имени «телевидение». И ждала съёмки передачи о бесплодии с участием Вали. Так что арест Сёки Асахары переживала только мать, волнуясь, не накажут ли после этого депутата Государственной думы Марычева, надевавшего на заседания костюм «Аум Синрикё».

У матери было два любимых депутата – Марычев и «Мавродий». Мавроди она считала умным, а Марычева – душевным. И когда «душевный Марычев» появлялся на экране телевизора, расхаживая по залу заседания в женском парике, противогазе, расшитой рубашке, телогрейке, бронежилете, арестантской рубахе, поповской рясе, бюстгальтере поверх пиджака или с накладными сиськами, мать радовалась и повторяла за кем-то, что так он привлекает внимание к народной боли.

Горяев позвонил, когда Валя устала ждать. Пациент чуть не свалился с кушетки, услышав из её сумки сотовый.

– Здравствуй, ласточка моя! Залети чайку попить, – попросил Горяев без предисловий.

– Когда?

– Через полчаса Слава заедет.

– Не могу. У меня приём.

– Сделай паузу, домчит как на ковре-самолёте. Скажи больным, что едешь к занятому идиоту, потому что ему без тебя, как без витаминов. Только паспорт захвати.

Валя велела Вике остановить тех, кого ещё можно найти по телефону, и домассировала лежащего на кушетке. А паспорт, как все понаехавшие, всегда носила с собой. Ужас был в том, что утром надела старые джинсы и простенькую кофточку.

– Прикид обсосный, – покачала головой Вика, распустила Вале волосы, намотала на шею свой модный шарф и подкрасила своей косметикой.

А Слава уже звонил на сотовый из машины, что припаркован у подъезда.

– И часто я буду объясняться перед больными об изменении ваших планов? – начала было Маргарита, заметив на Вале шарф и косметику.

– Не базар, тётя Рита, в баблосиках вы ничего не теряете, – напомнила Вика, выталкивая Валию за дверь.

Вокруг автомобиля толпились мальчишки.

– Дяденька, это правда «Мерседес»? – спросил самый смелый.

– Ну.

– А чё мигалка такая фуфловая? – надменно выступил второй.

– У президента такая же, – с каменным лицом ответил Слава, и Валя увидела в нём мальчишку, хвастающегося машинкой.

– Велел паспортные данные продиктовать, – угрюмо сказал Слава.

Валя протянула паспорт, и Слава кому-то зачитал его содержание по телефону, вмонтированному в автомобиль.

– Зачем это? – насторожилась Валя.

– Сказал, в Белый дом.

И они рванули со скоростью реактивного самолёта.

В Белый дом? У Вали перед глазами вспыхнуло, как стоит неподалёку от Белого дома в голубом платье возле возводимых баррикад с плакатом: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!», а Марк целует её в щеку, подсмеиваясь: «Сегодня всё можно!»

Потом вспыхнуло, как через два года там же перевязывает раненых, а рядом суетится пьяный старичок, вместе с которым чуть не погибла от снайперского обстрела. Растерянно спросила:

– А в джинсах пусят? В наше министерство женщин в брюках не пускали.

– После девяносто первого года везде пускают, – ответил Слава и больше не проронил ни слова.

Валя очень нервничала, пока суровая охрана бокового КПП проверяла её паспортные данные и изучала содержимое сумки. Но рядом хотя бы был Слава. А внутрь первого этажа Белого дома вошла одна и перепугалась ещё больше.

Здесь было уныло: киоски, гардероб. Напоминало большую гостиницу, небрежно построенную в застой. Люди были одеты по-деловому, и Валя забилась в своих старых джинсах в уголок холла.

Горяев появился минут через десять, оживлённо разговаривая с группой невидных мужчин в тёмных костюмах, с портфелями, распухшими от бумаг. На их фоне он был такой элегантный, такой эффектный, что у Вали перехватило дыхание. Распрощавшись с мужчинами, поцеловал её в щёку, словно они сто лет вместе, и повёл коридорами к лифту.

Заботливо спросил:

– Голодная?

– Нет, – от напряжения забыла, что хочет есть.

– Экскурсию?

– А Ельцин тут сидит? – спросила она, чтоб хоть что-то спросить.

– Ельцин в Кремле.

– А тут кто?

– Раньше министры сидели, потом депутатов посадили. После 1993 года депутатов пересадили в бывший Госплан, а министров вернули сюда.

– А ты почему тут, если теперь депутат, а не министр?

– Окно между двух совещаний.

– Ничего, что я в старых джинсах? – прошептала она.

– Тебе идут джинсы, – успокоил Горяев.

Они шли по коридору, выложенному дорожкой отталкивающего красного цвета. С двух сторон были двери, двери, двери, и на стенах ни одной картинки.

– Показать, как живут вице-премьеры? – весело спросил Горяев.

Вошли в какой-то кабинет. Молодой человек вскочил из-за стола.

– Сиди, Ваня, сиди. Любимую девушку привёл на экскурсию.

Молодой человек заулыбался во весь рот. Валя не понимала, кто такой вице-премьер, но всё равно удивилась, что совсем мальчишка. А он подошёл к двери, распахнул её в небольшой зальчик для заседаний и показал:

– Вон там след от снаряда.

Валя с Горяевым зашли внутрь. В стене зальчика зияла дыра.

– Не отремонтировали? – удивилась Валя.

– Чтоб не забывалось...

– Сейчас ещё ничего. А когда заселялись, по стене, извините, мозги были размазаны, – заметил молодой человек.

– Я внизу на площади раненых перевязывала, – сказала Валя.

– А кто ж тебя командировал? – присвистнул Горяев.

– Сама.

– Сама? Потом расскажешь. – И Горяев скомандовал: – Ваня, покажи кабинет.

– Чей? – спросила Валя.

– Вице-преьера, – ответил молодой человек.

– А вы не вице-премьер?

И мужчины захохотали.

– Я – помощник, – объяснил молодой человек, – пропуск вам делал.

За новой дверью нарисовался огромный кабинет с таким огромным столом, что на нём можно было демонстрировать одежду, как на подиуме. А сзади кабинета – комната отдыха с диванчиками и креслами, туалет и душевая. И всё это безвкусно и неуютно.

Зашли ещё в один кабинет. Там было то же самое, но на порядок круче и немного другая планировка. В одной из комнат за накрытым столом что-то отмечали секретарши с помощниками. Предложили чокнуться.

– Выпей глоток, – шепнул Горяев.

Валя взяла чистую рюмку, протянула громогласному пожилому человеку, разливающему напитки.

– На весу не наливают, плохая примета, нас Труба так учит.

– Труба – это кто? – спросила она.

– Это ЧВС, – ответил Горяев.

– А ЧВС – это кто?

– ЧВС – это Черномырдин Виктор Степанович. Прости, заработался, говорю на фене. Пошли в буфет.

После рюмки шампанского на голодный желудок стало не так страшно, хотя и непонятно, зачем Черномырдину придумали столько кликух. Буфет смотрел стеклянными стенами на Краснопресненскую высотку. Внизу виднелся парк, полный кипящей молодой зелени, утыканной красными транспарантами.

- Откуда там красное?
- Коммуняки устроили кладбище по погибшим во время путча. – Горяев наставил перед Вале́й закуску и сладостей.
- А ты не коммуняка?
- Я партбилет перед камерой не сжигал, ласточка моя, но хочу видеть Россию реформированной. – Зазвонил сотовый, и Горяев ответил: – Не надо Ушастика. Ушастик перебежал к нам, как только «Выбор России» пошёл на дно. Бегает из блока в блок как... сам понимаешь кто.
- Ушастик – это кто? – спросила Валя, когда он закончил говорить.
- Это маленький Рыжков, – ответил он устало.
- Что значит «маленький Рыжков»?
- Есть большой Рыжков. А есть маленький.
- А большой – это кто?
- Большой – это «плачущий большевик», – ответил он уже раздраженно, понимая, что ничего до конца не объяснит. – Прости, разучился говорить по-людски, только на сленге.
- И про партбилет не поняла.
- Марк Захаров сжёг партбилет в прямом эфире и сразу же огрёб за это звание народного артиста. Почему не ешь?
- Этот Белый дом строил архитектор, который не любит людей. – Валя стеснительноковыряла вилкой салат.
- Точно. Здесь дико темно, и после двух у всех болит голова, – пожаловался он. – Но в Думе не лучше.
- В таких нездоровых условиях решения про нас принимаете? – возмутилась Валя.
- Смешная ты моя!
- Почему не звонил?
- Зачем, если нет возможности увидеться?
- Чтобы услышаться...
- У него снова зазвонил сотовый.
- Горяев. Да знали мы всё это полгода тому назад! Секрет Полишинеля, мать их! – сказал он в трубку. – Передай, что мы отрежем ему нефть по самое «ай-яй-яй». А «Лукойлу» скажи, пусть идёт лесом. Конец связи.
- Думала, на дачу повезёшь, – сказала Валя. – А комната отдыха и душ в кабинетах для этого?
- Для этого не нужны комната отдыха и душ. Достаточно ключа, запирающего кабинет. Комната отдыха, чтоб замертво не упасть.
- Снова зазвонил сотовый.
- Горяев. При чём тут я? «МММ» не госбанк, а инвестиционная компания. Я тебя уговаривал вкладывать туда деньги? Свои деньги и свою жену сторожи сам! – Он швырнул сотовый. – Бараны! Чистые бараны!
- А зачем вы рекламу «МММ» по телевизору показываете? Мавроди людей обокрал, а теперь в Думе с тобой сидит, – упрекнула Валя.
- Государство не несёт ответственности за рекламу на телевидении.
- А кто несёт?
- Суд, который у нас пока не отрос. Телеканалы неуправляемы, любой может смешать президента с дерьмом.
- Телевидение круче вас? – недоверчиво уточнила Валя.
- В чём-то да.
- Почему тебя раньше по телевизору не видела?
- Не люблю, но перед выборами надо мелькать. Отказался бы, тебя бы не встретил!

Валя смутилась и поменяла тему:

– Как там мои пациентки в министерстве? Лютина и Игоревна.

– Игоревна дом на Кипре намухлевала, теперь там розы сажает. А Лютина на боевом посту, мышь не проскочит. Лучше расскажи про себя. Только всю правду.

– Говорят, в женщине должна быть загадка... – замялась она.

– Зачем нам загадки? Мы с тобой и так из-за Игоревны девять лет потеряли.

Рядом с ним Валя совершенно забыла, что сидит в буфете Белого дома, а вокруг торопливые озабоченные люди. Виктор был таким родным, желанным и надёжным, что казалось, отгородил её от всего мира. Она набрала воздуха в лёгкие и монотонно перечислила:

– Медучилище, первый брак ради московской прописки. Ушла от него к режиссёру Лошадникову. Надоела Лошадникову, вышла за артиста Лебедева.

– Это такой сказочный богатырь?

– И сказочный алкоголик. Ушла от него, сделала аборт. Болела после этого. Сняла у одной женщины комнату, она меня вытащила, в твоё министерство устроила. Другая женщина мне мозги на место поставила. Потом заработала на квартиру, выучилась на целительницу, забрала мать в Москву, удочерила девочку-наркоманку... Всё!

Говорила и удивлялась, почему при своей закрытости так легко выложила ему всё. Даже не заметила, что не сказала про смерть отца. Словно его никогда и не было.

– Для такого послужного списка ты слишком светлая, – заметил он.

– Это благодаря бабушке!

– А я родился на Гоголевском бульваре. Отец преподавал в бывшей медведковской гимназии математику, а потом строил первую очередь Сегежского ЦБК на берегу реки Выг.

– Был учителем, стал строителем?

– Был учителем, стал эком Белбалтлага. Мама, медсестра, как и ты, поехала с нами маленькими за ним в Карелию. Там за кадры боролись, взяли её на работу, хоть и муж в лагере. Народу мало, все свои, умудрялась получать свидания с отцом, подлечивать его. Сестра старше меня, учительница, как отец. Умерла от рака. Похоронена в Сегеже, как и мама. На камнях.

– На камнях? – эхом отозвалась Валя.

– Там лес, озеро и камни. А слово «Сегежа» по-карельски знаешь, что значит?

– По-карельски? – у неё аж перехватило дыхание.

– Чистая, светлая... аккурат для лагерей! Я школу закончил с золотой медалью, спортсмен, комсомольский лидер. Вернулся в Москву в оттепель. МГУ, Высшая партийная школа при ЦК, Академия общественных наук при ЦК. Дальше – с культуры на чёрную металлургию, со здоровья на строительство. Когда с тобой познакомились, был одним из самых молодых министров. Потом в Думу пошёл, сейчас новую партию создаём. Всё.

– Про Карелию потом спрошу, сперва про жену.

– Она красавица. Дочка важного чиновника.

– Брак по расчёту? – скривила губы Валя.

– Совпало, – обезоруживающе улыбнулся он.

Когда вернулась из Белого дома на работу, поняла, что не видела ничего, кроме его лица, его рук. Даже не могла сказать, какого цвета на нём костюм. Появилось чувство, словно внутри «зажглась свеча», и теперь надо очень осторожно ходить, чтоб ветер или резкое движение не задули пламя. Названия «Сегежа», «Выг», «Карелия» пробили до костей.

Конечно, он оттуда, из её регрессии в прошлую жизнь. Валя и в первую встречу чувствовала, что знает его, что уже была с ним. Ведь видела на сессии регрессионной терапии, проводимой Львом Андроновичем, что ей в прошлой жизни привозили лечить старого, богатого, красивого.

Сказал, живи со мной, жена слова не скажет, да отказалась, потому что мужчина отбирает у колдовки силу. Но так запал в душу, что сожгла потом цыганку, пытавшуюся перед ним осрамить.

За ужином дома обронила:

– В Белом доме была. Случайно.

– «За случайно быют отчайно», – хихикнула Вика.

– Там внутри тускло, совково.

– Зато в темноте похож на торт безе, – возразила Вика.

– Лечила там кого? – уточнила мать.

– Лечила...

– А мы к Вознесению Господнему готовимся! – многозначительно сообщила мать, тема Белого дома её не зацепила.

– Что это вдруг? – спросила Валя.

– Вдруг не вдруг, а Бога пора уважить, – мать достала исписанный лист бумаги.

– Бабулька переломалась на святом духе, – подмигнула Вика.

– Это ж я тебя в тропарёвской церкви от дурных уколов вымолила! – призналась мать и стала зачитывать с листа по слогам: – Написано: «Афанасий Великий изъясняет, что Вознесение Господне праздник в честь вознесения плоти Иисуса Христа на небо и обетовании его во втором пришествии. Означает обожение человеческой природы...»

– Сама-то поняла, что прочитала? – улыбнулась Валя.

– Батюшка сказал, Бога не понимать, а любить полагается, – ответила мать. – Семья у нас по церковной части слабенькая, а надо роднёвы грехи отмолить, мужа тебе выпросить да учебу Викуське. В партию меня не взяли – политграмоты не знала, хоть тут отработаю.

– Бабка как девочка из секты, – заметила Вика, когда ложились спать. – Неужели я так же колбасилась?

– Когда человек себя не принял, он и Бога не примет. Разве как начальника.

– А чё это за Вознесение Господне?

– Бабушка Поля говорила, с Вознесеньева дня весна входит в полный сок, а там и лето.

Костёр надо в этот день жечь и хороводы водить в раздолье, а не в церкви на коленях стоять...

Виктор снова не звонил, но прислал со Славой корзину экзотических фруктов. И Маргарита, обижающаяся на Валину скрытность, смотрела зверем, пока ей не отсыпали половину и не сказали, что это от благодарного пациента. А через несколько дней, вечером, когда Валя пила на кухне чай, Вика притащила из большой комнаты телефонный аппарат на длинном шнуре и хмыкнула:

– Прикинь, рыбный швед нарисовался!

– Здравствуй, Валья! – сказал Свен, будто расстались позавчера и договорились созвониться именно сегодня.

– Здравствуй, Свен!

– Я теперь в Москва. Хочу иметь с тобой ужин.

– Давай в выходные. Вместе с Викой.

– Надо адрес для мой водитель, он сделать доставка подарки от меня и Сонья. Москва имеет большой агрессия на дорога, я не водить здесь машина.

– И что с ним теперь делать? – пожаловалась Валя Вике.

– В Третьяковку. Чё ещё с ними делают?

Водитель Свена заехал, когда Валя с Викторией были на работе. Это был пожилой русский дядька в костюме с галстуком. Мать открыла ему, заметалась, почтительно сняла передник, пригладила волосы, поклонилась чуть не в пояс:

– Милости просим!

А он буркнул:

– Куда поставить?

Плюхнул коробки и свёртки, упакованные в нарядную бумагу, на пол коридора и ушёл. Когда Валя с Викой вернулись домой, мать заголосила:

– Мать деревенскую давешний депутат не уважил! Поздороваться побрезговал! Только коробки швырнул!

– Это не депутат, а водитель Сониного друга. Привёз от Сони подарки.

Мать недоверчиво развернула упаковочную бумагу на коробках и снова заголосила:

– Батюшки-светы! Добра-то, добра!

Чего только не было в коробках и свёртках. И здоровенный сервиз, и изысканное бельё, и роскошный плед для матери. А главное, невозможно было понять, что от Сони, что от Свена. Скорее всего, Соня помогала ему выбирать.

Вика тут же напялила присланный ей модный прикид и стала крутиться у зеркала:

– На нашей улице перевернулся грузовичок с ништяками! Рыбный-то чёткий! Через полгода притащился, как обещал.

А у Вали было чувство, словно приехал красивый богатый младший брат, которого придётся опекать, потому что старшая, потому что местная. И надо найти ему невесту, ведь жаль, если попадёт в плохие руки.

Свен позвонил на следующий день:

– Я имею отличный офис, но не имею помощника. Делал разговор к тебе, Валья?

– Помню разговор. И помню, что тебе ответила.

– Сказала про человек. Он тебя позвать?

– Да.

– Ты есть его жена? – спрашивал так чётко, словно речь шла о сортах и количестве покупаемой рыбы.

– Нет. Он женат. Он политик.

– Он имеет любовь к жене и карьере, а не к Валье? – подчеркнул Свен, и это резануло по сердцу. – Когда мы будем семья, не станешь делать любовь к другой мужчина.

– Люблю его как сумасшедшая!

– Хочу делать встреча с ним, с политик, – попросил Свен.

– Я ему сказала, что ты старый, толстый и не говоришь по-русски, – засмеялась Валя.

– Это будет приятно, что ты делать отказ не старый и говорю по-русски. – ответил Свен. –

Мне хорошо спросить с этот политик о таможня. Я хотел делать как закон, но русский партнёр сказал, как закон нельзя.

Валя была бы рада их познакомиться, но Горяев не появлялся. Правда, стал звонить: коротко и нежно говорил, что соскучился, что вот-вот будет посвободней. И прислал в кабинет водителя Славу с корзиной роз. Пришлось снова соврать Маргарите, что это от благодарного больного.

Перед сном Валя мечтала: хорошо бы Горяева выгнали из депутатов и они бы ежедневно встречались. Не на госдаче, не в Белом доме, а гуляя по парку или по Ленинским горам. Его бы никто не узнавал в тёмных очках, и никому бы не было до них дела.

А Свен теперь ежедневно звонил, придумывая вопросы о московской жизни, на которые мог бы ответить сам. Да и вопросы были из жизни богатых, и Валя растерянно отвечала: «Я там не была! Я так никогда не пробовала! Зачем выбрасывать деньги, лучше купить на рынке».

И наконец решила, что пригласить Горяева домой для знакомства со Свеном – отличный повод позвонить самой. Ведь она стеснялась звонить ему сама. Виктор сперва удивился, потом посоветовался с секретаршей и назвал день и час встречи.

Свен обрадовался, на его красивом лице нарисовалось: познакомлюсь, решу проблему. Женитьба на Вале казалась ему не большей проблемой, чем, например, отсутствие в московских антикварных бронзовых ламп, подходящих под его гостиную.

Валя, Вика и мать сели писать «концепцию» приёма высоких гостей.

– Салат «Оливье»! – произнесла мать как заклинание.

– Ма, ну, не Новый год, – возразила Валя.

– Бабуль, чушь на входе даёт чушь на выходе, – включилась Вика. – Пиши: салат французский – шампиньоны, рис, кукуруза, сладкий перец!

– Кто ж этим людей кормит? – возмутилась мать, – Кукурузу свиньи да утки едят, а рис – детишки от поносу!

– Ма, надо выпендриться. Оба отродясь таких квартир не видели.

– Квартира не хуже других, – обиделась мать. – Окна протереть насвежо. Занавески подкрахмалить. Шарику бант привязать. Новый куплю, шёлковый. Ложки зубным порошком подчистить. И Ельцина, доча, принимать можно!

Пригласив Виктора и Свена домой, Валя, с одной стороны, чувствовала себя беззащитной, как в гинекологическом кресле, и для поддержки позвала Юлию Измайловну. С другой стороны, было важно ткнуть ухажёров носом в то, что она в их понимании нищая, но деньгами её не купишь.

В городке, где росла Валя, в развалюшном каменном домишке жила семья Слепцовых. Папаша Слепцов был немного не в себе, работал почтальоном и сочинял дурацкие стихи. Мамаша кое-как числилась на фабрике, а замурзанные пацаны учились на двойки и вечно гоняли перед домом консервную банку.

Возле их дома райисполком решил разбить сквер и выселить непутёвую семью в новенькую пятиэтажку. Но папаша Слепцов объявил, что не поедет из своих каменных хором, и написал письмо Брежневу. Его пытались сломать даже трёхкомнатной квартирой в доме для начальства – отказался.

«От Брежнева» пришла бумажка на бланке: «Получили, рассмотрим». Папаша Слепцов показал её всему городу, и в райисполкоме так испугались, что разбили сквер, некрасиво обогнув дом. Весь город считал, что папаша Слепцов хотел выманить что-то пожирнее трёхкомнатной квартиры, да промахнулся.

А он всего лишь решил остаться в развалюхе, которую построил его дед. Валя чувствовала себя между Горяевым и Свеном папашей Слепцовым и размахивала перед собой этим ужином, как почтальон «брежневским» письмом на бланке.

Готовясь, отменили приём в кабинете, стали двигать мебель, сервировать стол. Подоконники украсили вазами с наломанной в парке сиренью. Она в этом году припозднилась, придала комнате дачный оттенок и окутала её волшебным ароматом.

– Троицын день нынче, – заметила мать. – В нашей деревне девки на Троицу берёзку вниз клонили, ветки ей травой заплетали. Да гадали на суженого.

– Так и у нас типа кастинг, – хмыкнула Вика, нанизывая бутербродики на пёстрые пластмассовые шпажки, как подсмотрела в журнале.

Мать не знала слова «кастинг» и на всякий случай осуждающе покачала головой. Она с утра колдовала в кухне, не подпуская к плите никого. И каждый раз, когда к подъезду подъезжала машина, спрашивала, точно расставив акценты:

– Глянь, доча, он или «сам»?

Юлия Измайловна приехала в половине восьмого. Свен появился в две минуты девятого. Валя даже поморщилась про себя, хоть бы на десять минут опоздал. С непроницаемым лицом шаркнул ногой перед открывшей рот матерью, сунул ей в руки бутылку вина. Оглядел комнату и кивнул на накрытый стол:

– Есть очень красиво!

- Ещё пельмени и пирог, – отчиталась мать, не сводя с него восхищённых глаз.
- Знакомься, Свен, это Юлия Измайловна, – представила Валя. – Можно считать, я её воспитанница.
- Аперитив? – спросил Свен, поклонившись Юлии Измайловне.
- А что это? – не поняла Валя.
- Ес, сэр! – откликнулась Вика, налила ему стопку водки и поднесла огурчик на пластмассовой шпажке. – Рашен аперитив.
- Водка? – Он замотал головой.
- Национальная традиция! Дринькай, или обидишь хозяек, – настояла Вика, и Свен, морщась, осилил стопку маленькими глотками.
- Теперь угоститься, – засуетилась мать, заталкивая его за стол. – Селёdochка под шубой пальчики оближете. Капустка рыночная. Салат «Мимоза». Баклажаны с орехами. Патиссоны, сама крутила. У вас в Голландии небось не растут патиссоны...
- В Швеции, ма.
- В Швеции? – искренне удивилась мать. – Почему в Швеции, если ты в Финляндию ездила? Да и какая в них разница-то? А вот Вика салат придумала – французский. Попробуйте, я туда грибов натусила.
- Фигли ты их, бабуль, натусила? Французы их жрут сырыми! – вскочила Вика. – Весь кайф обломала!
- Сырыми? Нешто мы зайцы в лесу?
- Русская кухня – это есть очень хорошо, – заметил одуревший от палитры закусок и материнского натиска Свен.
- Мать пыталась накормить его насмерть, потому что было непонятно, о чём с ним разговаривать.
- Где есть... этот человек, Валья? – спросил Свен.
- Улита едет, сегодня будет, – махнула рукой мать. – А вот лисички маринованные под водочку-то в самый раз! Большому куску рот радуется.
- Юлия Измайловна протянула Свену подарочное издание «Мастера и Маргариты»:
- Сувенир для вас. Культовый русский роман.
- Спасибо! – кивнул Свен и прочитал на обложке: – Булгаков! О чём этот книга? Я должен всё знать о Россия!
- Центральные фигуры романа писатель, которого называют Мастер, его подруга Маргарита и некто Воланд. По сути, Воланд – дьявол, русский Мефистофель, – с учительской интонацией произнесла Юлия Измайловна.
- О! Мефистофель и Маргарита! Кто есть Фауст? – обрадовался Свен знакомому сюжету.
- Фаустом можно считать Мастера, его преследуют за роман о Христе. Но закладывает душу дьяволу не он, а Маргарита. Ради любви к Мастеру она становится ведьмой.
- Это есть трактовка легенды о Фауст для феминизм? Это есть русский феминизм? – недоумевая, спросил Свен.
- Любопытный взгляд. Никогда об этом не думала.
- Воланд не русский фамилия, – сообразил Свен.
- Булгаков страдал от давления сталинского режима. Американский посол Бутланд уговаривал его уехать в США и олицетворял для писателя могущество и свободу. В его резиденции в Спасопесковском переулке устраивались костюмированные балы, куда звали Булгакова. Один из балов стал прообразом бала Сатаны в этом романе.
- Булгаков писал, что Америка есть дьявол? – Свен пытался пригнать одну деталь к другой.

– В каком-то смысле Бутланд действительно искуситель, – терпеливо ответила Юлия Измайловна. – Главные герои романа Мастер и Маргарита любят друг друга, и Мефистофель-Воланд забирает их к себе, наградив вечным покоем.

– Дьявол не имеет взять люди в вечный покой. Дьявол имеет взять только в ад! Этот роман сделать дьявол хороший, – покачал головой Свен.

– Потрясающе! – всплеснула руками Юлия Измайловна. – Лотман писал, что национальная культура осознаёт себя, глядясь на себя в зеркало другой культуры. Свен, вы показали пальцем на то, чего мы не хотим замечать.

– Так сегодня ж с утра день дебила, – хихикнула Вика.

– Мои ученики считают Воланда положительным героем. Ведь нам долго было всё равно, кто герой, лишь бы он был против коммунистов. Даже наш патриотизм обозначается Вечным огнём, а огонь, вырывающийся из-под земли, это же ад. И должен вызывать вопросы хотя бы у церкви.

– Господи помилуй, – поучаствовала мать в светской беседе и на всякий случай перекрестилась.

Горяев опоздал на сорок пять минут. Вошёл, свалил матери на руки огромный букет роз и торт величиной с деревенскую подушку. Улыбнулся, как хозяин прислуге, и буркнул:

– Где руки помыть?

Мать обомлела, засуетилась, уронила букет, запричитала, а когда спровадила гостя в ванную, прошептала со священным ужасом:

– Я ж его в телевизоре видела!

Вале было неприятно, что Виктор кивком поставил мать вровень с горничной на правительственной даче. Но мать сияла, ей было сложно общаться с иностранным красавцем, а здесь – свой, родной, понятный, хозяин, начальник, барин, «поди на конюшню, вели, чтобы тебе выдали плетей!». Она ведь и за глаза окрестила его «сам».

Свен сдержанно улыбался, Юлия Измайловна приумолкла, Вика азартно ждала поединка ухажёров, а Шарик носился волчком, потеряв новый наглаженный бант. Виктор появился в комнате, наполнил рюмки и жестом отца, вернувшегося в семейство, объявил:

– За трёх очаровательных хозяек этого дома и их подругу!

Ни «извините», ни «здрасьте», ни «меня зовут», подумала Валя, но не с раздражением, а с восхищением. Опрокинув рюмку, он кивнул Юлии Измайловне, приобнял мать, подмигнул Вике и подал руку Свену.

Оглядел стол, распорядился:

– Валюш, принеси водички из-под крана. Не умею химическими тархунами водку запивать. Давай быстренько! Между первой и второй перерывчик небольшой.

Валя усмехнулась и пошла за водой, а мать согласно предложенной субординации тут же спросила:

– Пельмени-то закладывать?

– Ох, мы в детстве в Карелии садились втроём на кухне – мама, сестра, я – и лепили целую столешницу. А в один пельмень клали копейку – кому попадала, тому счастье, – доверительно рассказал Горяев, обращаясь к матери. – В Карелии холодина, а в Швеции потеплей – Гольфстрим.

– Так вы из Карелии? – уточнила Юлия Измайловна.

– Я с Гоголевского бульвара, в Карелии отец сидел, а мама с нами поехала туда, как жена декабриста.

– Соседи? – удивленно вскинула брови Юлия Измайловна и как-то по-новому посмотрела на Горяева. – Я с Собачьей площадки.

– О, мы на Собачке всё детство возились, – обрадовался Горяев, – у меня там дружок жил.

– Свёкор-то мой тоже в лагере помер... – вдруг сказала мать, хотя прежде не проговорила этого вслух.

А Горяев, чтоб не дать открыть рта приготовившемуся вступить в беседу Свену, спросил:

– Это с грибами?

– Французский салат, – скривилась мать.

– А у нас к празднику всегда был оливье. Сначала делали его с говядиной, потом перешли на докторскую колбасу, – сообщил Горяев, словно это было важно.

– Так ведь хотела сделать! Паршивки не дали! – пожаловалась мать, вступив в игру «вот приедет барин, барин нас рассудит».

– Салат «Оливье» в России означает, что в доме всё в порядке, – осуждающе перевёл Горяев глаза на Валю.

– Оливье? Это есть франсе, – наконец влез Свен, понимая, что его теснят незнакомым оружием.

– В России есть «индекс оливье» для расчёта уровня инфляции цен на продукты, – пояснил Горяев. – Как «индекс бигмака» в Америке. Валя сказала, у вас рыбный бизнес.

– Это есть оборудование для переработки рыба, – кивнул Свен.

– Как-нибудь обсудим. Не зря же вы в общем море нашу рыбу ловите, – заметил Виктор и снова, не дав Свену возразить, предложил: – Пьём за дружбу народов!

И когда выпили, снова щёлкнул Свена по носу:

– И школа у вас какая-то невнятная, без отметок. Растите экспериментальное поколение. Что будет со страной, когда оно вырастет?

– Фигасе, без отметок! – аж подскочила Вика.

– Шведы имеют принцип – никто не есть первый. Все должен быть скромный. Дети имеют проблемы от плохие отметки.

– Так ведь никакой конкуренции. Как они потом пробьют себе место под солнцем? – спросил Виктор.

– В Швеции есть место под солнцем для все люди. Есть политика равные права, – поучительно заметил Свен.

– Мы в это тоже долго играли и наигрались. Теперь у нас политика неравных прав и неравных возможностей, – усмехнулся Горяев. – И нам очень нравится.

– Нравится тем, кто делать коррупция, – рассчитался за унижение Свен. – В Москва нищий люди на улице. Беспорядочный дети. Политик имеют много деньги.

– Политики не накормят народ, прежде чем произойдут структурные преобразования, а они идут в час по чайной ложке, – нахмурился Горяев. – Россия, как говорят арабы, спит в меду.

– В Швеция члены Рейхстаг не имеют привилегия. Не имеют квартира, не имеют специальный машина. Имеют один зарплата. Был скандал «Тоблерон»! – Свен разговаривал так, словно все начинали утро со шведских газет.

– «Тоблерон»? – наморщил лоб Виктор. – Шоколад?

– Это есть шоколад. Лидер партия не смог иметь пост премьер. Она купил с кредит-карта партия шоколад «Тоблерон», одежда и памперс для свой маленький ребёнок! – Свен загибал пальцы. – Она вернул деньги на карта партия, но она потерял пост премьер-министр. В Швеция не путать кредит-карта партия и кредит-карта семья.

– Гонишь! – перебила Вика. – За шоколадку и памперсы?

– Этот был скандал «Тоблерон», в Швеция нельзя сделать пресса за деньги, – продолжил Свен, нервно постукивая пустой рюмкой по столу. – Швеция имеет другой стандарт для справедливость.

– И давно она имеет другой стандарт? – мрачно усмехнулся Горяев. – С тех пор, как нажилась на продаже фашистам железной руды с рудников Кируны и перепродаже им нефте-

продуктов? Или с тех пор, как предоставила им железные дороги для солдат и военной техники?

Мать выронила вилку и испуганным эхом повторила:

– Для солдат и военной техники?...

– Швеция держала нейтралитет, защищая свою экономику, – уточнила Юлия Измайловна.

– Так и фашистская Германия залила материк кровью, защищая свою экономику! – отбил мячик Горяев. – А шведский король, женатый на немке, поздравлял Гитлера письмом с победами над СССР и «большевистской чумой»!

– Это есть старая история, – замахал руками Свен. – Теперь Швеция не имеет амбиция. В шведской армии изучают русский. Россия есть наш сосед. Большой бедный сосед с агрессией! Я делать бизнес, но русский партнёр не имеет показать свои деньги. И вместо суда имеет бандит с пистолетом!

– Про суд не спорю. Как говорил поэт: «Чем столетие интересней для историка, тем для современника печальней...» – погасил его пафос Горяев. – Что-то наши дамы загрузили.

– А я вот пельмени в кипятке побросаю, – встрепенулась мать, поняв его замечание как команду.

– Шведы имеют знать: работа – это хорошо. Честный – это хорошо. Мы есть лютеране.

– У них и у фиников бабы в рясе! – сообщила Вика Горяеву.

– Швеция имеет половина парламент женщины, – добавил Свен. – Америка не имеет столько женщины в парламент!

– И тебе это нравится? – спросил Горяев. – Нравится, когда твоя баба зарабатывает больше тебя?

– Это есть равные возможности, – напомнил Свен. – Наш закон имеет отпуск для отца, когда есть новый ребёнок. Один месяц. Это есть хорошо для отца и ребёнка. Я был с дочкой один месяц. Я был с сыном один месяц.

Признание подсветило Свена с очень приятной стороны, и Вале показалось, что Горяев проиграл этот сэт.

– Кстати, о детях. Говорят, Карлсон, который живёт на крыше, – совершенно отвратительное существо, – ушёл от темы Виктор.

– Карлсона сделала симпатичным переводчица Лилианна Лунгина, – пояснила Юлия Измайловна.

Удивительно, что она всё знает, подумала Валя. Хотя и Виктор наверняка подготовился к встрече. Вспомнила, как звонил при ней из Белого дома секретарше:

– Завтра у меня Репейкин. Он собирает японские мечи. Найдите смешные истории про японские мечи.

– Зачем тебе мечи? – спросила Валя.

– Мечи не нужны, ласточка моя, нужны его бизнесы, а для этого надо вызывать доверие и выглядеть своим.

– А вот пельмешки! – воскликнула мать, внося на блюде гору пельменей, посыпанных укропом.

И все на некоторое время смолкли.

– Я имел удивление, что русские любят Карлсон. Они просили сувенир Карлсон. Но в Швеции сувенир Карлсон нет, – развёл руками Свен. – Он есть плохой. Он обманывает Малыш.

– А у нас-то на Черёмушкинском рынке Карлсонов как грязи, – встряла мать. – Губчатые такие внутри.

– Почему выбрал Россию? – покровительственно спросил Горяев.

– Я имел бизнес в Америка, во Франция, – пояснил Свен. – Но в Россия есть большой перспектива.

– Инвестиционного климата не боишься? – хмыкнул Горяев.

– Бизнес есть риск, – согласился Свен. – Ельцин сделал женщина лидер Центробанк. Это есть хорошо.

– Что ж хорошего? – вздрогнул Горяев. – Вся экономика остановится, о делах сроду по баням договаривались! Эта Таня Парамонова – конь с яйцами. Так нарулит, век не разгребём.

– Зачем иметь переговор в баня? В Россия нет переговорный комнат?

– В России наоборот: в переговорных секретарш шупают, а в банях дела обсуждают, – усмехнулась Валя.

– Увы, болезнь роста! Ну, всё, мои дорогие, – Горяев глянул на часы. – Пельмени гениальные, а вот сладкое без меня. Труба зовёт. Хороший у вас дом!

Валя обалдела от такого цинизма – всё посмотрел, всё прикинул, и больше ему не интересно! Горяев обменялся визитками со Свеном, поцеловал руку Юлии Измайловне, потрепал по плечу Вику, обнял ошеломлённую мать и scomандовал:

– Валюш, проводи!

Валя собиралась высказать ему всё, оставшись с глазу на глаз, но не успела. На лестничной площадке сгрёб в охапку и начал страстно целовать со словами:

– Соскучился.

– Тебя звали в гости, готовились!

– Я, если честно, сижу сейчас на совещании. Мама твоя – красавица, девчушка – прелесть. А швед? У моего соседа пёс далматинец. Чемпион чемпионович, медали больше него самого весят. И породистый, и экстерьерный, но на суку без тренера залезть не может. Так вот, вылитый твой швед, – резюмировал он.

– Не надо так ревновать! – засмеялась Валя. – Уверена, что на суку он залезает с успехом.

– К тому же он зануда и мародёр. В Россию сейчас едут или непоправимые романтики, или неизлечимые мародёры. Позвоню! – И молодежаво побежал по лестнице вниз.

Гроссмейстер, подумала Валя, любуясь его спиной, всех обыграл. И вернулась к столу.

– Ваш муж имел сидеть тюрьма? – спросил Свен Юлию Измайловну.

– Да, он диссидент.

– Почему он не ехать в Европа? Русский диссидент всегда иметь на Западе хороший работа!

– Прежде он распространял самиздат и тамиздат, а после тюрьмы стал получать гранты на издание здешней газеты. По сравнению с тем, как мы жили, разбогател, – грустно заметила Юлия Измайловна.

– Кто прислать ему деньги? – уточнил Свен.

– Американские фонды. Он выдержал тюрьму, но не выдержал деньги, – презрительно улыбнулась Юлия Измайловна.

– У нас говорят, уметь обращаться с деньги тот, кто имел родиться с деньги, – согласился Свен, поняв ответ по-своему.

– Чем больше думаю, Свен, о вашей трактовке Булгакова, тем она мне милее, – вернулась к теме Юлия Измайловна, молчавшая при Горяеве. – Вы любите музыку?

– Слушаю утром опера, когда имею бриться и делать гимнастика, – кивнул Свен.

Инопланетянин, раздражённо подумала Валя.

– Кеннеди слушать пьесы Шекспир, пока бриться. Я имел подражать, – объяснил Свен.

– Ему, конечно, сто лет в обед, но видный мужчина, только больно занятой и женатый, – некстати влезла мать, кивнув на дверь, в которую ушёл Горяев. – Вы б нам, Свен, в Швеции какого женишка нашли.

– Соня сказал русский поговорка: «Насильно любимый не сможешь!» – развёл руками Свен, выразительно глядя на Валю, и мать всё поняла.

Потом пили чай, Свен рассказывал про свою школу, учёбу в университете. А Валя была словно в отключке, ей не верилось, что на стуле рядом только что сидел Виктор. Что она ест выбранный им торт. Что он обнял мать, потрепал по плечу Вику и поцеловал руку Юлии Измайловне.

И выцарапала бы глаза донёсшему, что Горяев поехал домой, потому что сын ещё вчера принёс ему кассету с новым боевиком. А главное, потому, что очень устал и увидел, насколько неопасен красавчик викинг.

– Горяев есть сильный человек, – сказал Свен, когда Валя провожала его до машины. – Он сломать твою жизнь, Валья.

– Ничего не понимаешь в русской любви... – улыбнулась она в ответ.

– За двумя зайцами, доча, погонишься – ни одного не поймаешь, – вздохнула мать. – Швед-то фарфоровый, его на комод для красоты ставить. А «сам» – важный. Костюм на нём дорогой. Видала такой в комке.

Валя опять попыталась вспомнить, какого цвета костюм, но не смогла. Потому что рядом с Виктором слепла.

– Свен этот весь лепки эпохи Возрождения. Так красив, что просто кровь из глаз, – оценила Юлия Измайловна. – Как можно предпочесть ему оплывшего коммуниста, даже если его отец был репрессирован?

А Вика, убирая после гостей со стола, подвела итоги:

– Когда не знаешь, как смешиваются два компонента, не х..... их в одну дозу!

Война в Чечне шла в каком-то смысле по телевизору – вкривь и вкось, нелепо, бесчеловечно, но далеко. А в середине июня выплеснулась в Ставрополье, и страну парализовал теракт в Будённовске. Четырнадцатого июня мать услышала по кухонному радиоприёмнику о захвате заложников, причитая, вбежала в большую комнату и включила телевизор.

Валя и Вика вскочили в своих постелях и испуганно переглянулись. А диктор отчеканил, что 195 членов банды Басаева прошли сквозь 52 блокпоста, расстреляли отказавшихся пускать их местных милиционеров и захватили в Будённовске 1600 мирных жителей.

Это в голове не укладывалось. Валя в ночнушке побежала с сотовым на кухню и дрожащими пальцами набрала номер Юлии Измайловны. Но та ответила странно приподнятым тоном:

– Бумеранг возвращается потяжелевшим.

– Там роддом, беременные, дети! – вскрикнула Валя.

– Чувствую себя после ваших слов в досадном одиночестве. Включите «вражий голос», там всё объяснят.

Валя покрутила колёсико кухонного приёмника, попала на хриловатый картавоватый голос, знакомый с квартирования у Юлии Измайловны:

– «Трагедия обрушилась на родное село Басаева в конце мая, когда оно подверглось бомбовому удару российской авиации. И, потеряв свою деревню, дом, мать, двоих детей, брата, сестру и ещё шестерых родственников, Басаев решил на возмездие за пределами своей родной земли... По его собственному определению, Басаев – террорист, но – террорист с рыцарским чувством чести...»

Телевизионные кадры с места захвата, победительный прищур Басаева, торжествующий тон Юлии Измайловны и заявление «о рыцаре чести» никак не монтировались друг с другом. Валя представила, как обладатель знакомого картавоватого хриловатого голоса, сидя в кресле, затягивается дорогой сигаретой, отхлёбывает кофе и продолжает:

– Похоже, он не видел иного пути заставить русских осознать трагичность этой войны... «Мы не бандиты, – заявил Басаев. – Мы солдаты страны, которая находится в состоянии войны с другим государством, лишаящим нас наших семей, наших земель и нашей свободы!»

Валя вернулась в комнату, где перед телевизором плакала мать, и обняла её за плечи. Захваченная Басаевым Центральная районная больница – трёхэтажная, из линиялого светлого кирпича с полосками линиялого красного под покатой железной крышей – была точь-в-точь как в их городке.

– Джигит-гинеколог, – процедила Вика и ушла в ванную.

– Война будет! Я в войну мала была, а помню, – всхлипнула мать. – Последние дни, коли беременных ловят. У нежити своего обличия нет, она чужие личины носит.

Валя снова вышла на кухню, набрала телефон Горяева, но он скороговоркой выпалил:

– Соскучился, люблю, занят!

– Умоляю, скажи про Будённовск!

– Это конец Степашки и Ерина.

– Не поняла...

– А ты ждала, что братский чеченский народ придёт в нашу больницу с цветами? Про русских рабов в каждом чеченском дворе никогда не слышала? И это там никем не осуждалось. А армии у нас как не было, так и нет. Она чтоб генералам дачи строить!

– Как они прошли охрану, ну, или как это у вас называется?

– Говорили на блокпостах, что везут «груз 200»! А наши лохи гробы, полные оружия, не досматривали! Пока, целую.

Под конец он почти кричал, и Валя успокоилась. В отличие от Юлии Михайловны, с Виктором всё было в порядке.

Когда ехали в кабинет, люди в метро выглядели понуро и растерянно. В перерывах между пациентами Вика прибегала из комнаты Маргариты, где сидела с Эдиком перед телевизором, и докладывала обстановку.

– Ну что там? Что с людьми? – останавливали её в коридоре пациенты.

Сегодня они приходили задолго до назначенного времени, чтобы не оставаться наедине с новостями. Мест на диване не хватило, пришлось добавить стулья из кухни.

Пациенты гомонили:

– Говорят, чеченцы согнали всех русских к бензовозу и взорвали! Не взорвали, а несколько человек расстреляли! Съёмку с воздуха показывали – тротуары Будённовска усыпаны трупами! А ввали по радио, Дудаев побеждён! Да там не Дудаев, там бородатый с похожей фамилией! Нехай отделяются, баба с возу, кобыле легче! Сталин их ссылал, а мстят нам!

В перерыве Валя позвонила с сотового Тёме, тот скороговоркой бросил:

– Чехи положили отделение наших.

– Кто кого?

– Чечены – ментов...

– Я ж это с бубном предсказать могла, – с укором напомнила Вика. – А ты б Горяичу слила.

Потом стало ещё страшнее. Басаев в шляпе защитного цвета и с зелёной лентой на лбу потребовал пресс-конференцию, и когда в назначенное время не привезли журналистов, расстрелял пять заложников. Мать бегала молиться в тропарёвскую церковь и целыми днями плакала в голос.

Вика так помрачнела, что Валя не отпускала её от себя ни на секунду. Сотовый Виктора был отключён, Валя боялась, что он поехал в Будённовск. Искала его на экране телевизора, но всё время наткнулась на Кашпировского, который вёл переговоры с Басаевым, добился, чтоб выпустили пять беременных женщин, и не побоялся остаться в больнице вместе с басаевцами и заложниками.

Прежде считала Кашпировского клоуном, устраивающим спектакли вместо нормального лечения в кабинете, а тут зауважала. Ещё на экране активно светился депутат Ковалёв, но не спешил в больницу к заложникам, а трындел перед прессой.

Басаев по-прежнему объявлял на камеру, что расстреливает за одного своего раненого пять человек, а за убитого десять. Что в заложниках куча народу, так что ему надолго хватит...

– Кашпировский-то депутат, как «сам»? – осенило мать, и у неё на мгновение просохли слёзы.

– Депутат.

– Он же, доча, как ты, лечит, «установку даёт»! Пусть «сам» похлопочет, чтоб тебя тоже в депутаты приняли! Хорошую квартиру дадут!

Пять дней люди не отрывались от новостей, спрашивали о них друг друга на улицах, звонили о них домой с работы. Телевизор показывал здание будённовской больницы в пятнах от стрельбы, а потом на экране появился Черномырдин, звонящий Басаеву:

– Аллю, Шамиль Басаев, говори громче!

После этого показали штурм, и было невыносимо смотреть на примотанных бинтами женщин в окнах больницы, в ногах которых улеглись стреляющие бандиты. В финале была гора трупов и интервью с полувменяемыми освобождёнными.

А ещё вереница автобусов, на которых Басаев уезжал с мужчинами-заложниками под полные гарантии Черномырдина. 129 человек погибли, 415 были ранены.

– Григорий Алексеевич сказал, что Ельцин должен был ехать не в Галифакс, а в Будённовск! – торжественно объявила позвонившая Юлия Измайловна. – Это ведь Ельцин сказал, берите суверенитету столько, сколько сможете проглотить.

Валя не знала, где Галифакс, зачем туда поехал Ельцин, но злилась, что Юлия Измайловна и тут носилась со своим противным Явлинским, как курица с яйцом. Да ещё Свен позвонил с текстом об освободительном движении Чечни, поддержанным просвещённым Западом.

– Ты женщин, привязанных бинтами, видел? Ты трупы после штурма видел? – заорала Валя.

– Такой всегда есть в война, – возразил Свен, и Валя, психанув, швырнула трубку.

В этой невыносимой атмосфере сели смотреть передачу Александра Любимова «Один на один». Рассчитывали услышать хоть какое-то разъяснение, раз в студию позвали Жириновского и Немцова. Жириновского Валя терпеть не могла, а Немцов ей, конечно, нравился.

– Ма, помнишь, директора магазина, где тётя Клава работала? Правда, вылитый Жириновский? – спросила Валя.

– Похож на Шунькина! Глаз такой же вороватый, – кивнула мать. – Бабам проходу не давал, обещал то колбасу копчёную достать, то туфли хорошие.

– Всю передачу протреплеться! – оборвала их Вика. – Борик Жиру говорит, ты туда поехал, а потом сразу штурм начали и людей поубивали!

– И этот ездил? – удивилась Валя.

Но тут Жириновский закричал в ответ что-то про сифилис, а Немцов развернул перед камерой журнал с интервью, компрометирующим Жириновского. Жириновский стал мешать зачитывать интервью, вопя, что Немцов негодяй и преступник.

– Фигасе, Борик «Плейбоем» трясёт! – вскрикнула Вика.

– Чем трясёт? – заинтересовалась мать.

– Журналом с голыми бабами.

– Ума палата! Нашли время!

Немцов всё же зачитал опубликованное в журнале признание Жириновского, что у него были сотни женщин, и пообещал Жириновскому помощь в лечении сифилиса. На это Жириновский вскочил и плеснул в Немцова стакан с апельсиновым соком, Немцов ответил ему тем же из своего стакана, и завязалась рукопашная.

– Машутся как ширанутые, – присвистнула Вика.

– Начальство соком брызжет! – возмутилась мать. – Скажи «самому», чтоб порядок держал!

А Валя не понимала, как это? Вчера погибло столько людей, а сегодня депутаты обсуждают сифилис и плещутся соком. Ведь это телевидение! На них смотрит вся страна!

– Объясни про сок, – попросила она, снова позвонив Горяеву.

– Думаешь, мне не хочется задушить Жирика? – Он ехал в машине и отвечал скороговоркой. – А Боря – молодой, блестящий. ЕБН объявил его преемником, вот Жирик и бесится! Больше не могу говорить, пока!

Позвонила Кате, но та ответила на своём языке:

– Первый канал всех сделал своим шоу с соком. Нам теперь до них по рейтингам, как до Пекина раком.

И Валя снова не поняла, как это?

А потом Свен пригласил Валью с Викой в свою наконец обустроенную квартиру на Садовом кольце, куда нанял домработницей длинноногую красотку. Красотка старалась ходить почти без юбки и, подавая к столу, отработанным жестом роняла из «анжелики» бюст.

Собственно, к Свену пошли, чтобы в комфорте его «нездешней» жилплощади стряхнуть с себя телеужасы Будённовска. Но не тут-то было, в огромной гостиной со светлой мебелью, подчёркнутой антиквариатом, собрались говорливые иностранцы.

Все взяли по бокалу, насыпали в тарелки закусок с фуршетного стола, расселись по диванам и креслам, и Свен включил в видеке кассету с западными репортажами о теракте. Репортажи были на английском и немецком, и когда кассета закончилась, гости одновременно загомонили, как школьники после звонка на перемену.

Говорили по-шведски и по-английски. Вика крахмалила уши, чтоб понять хоть что-то, а Валя услышала только одно знакомое «Робин Гуд». Она дёрнула Свена за руку:

– Вон та тётка назвала Басаева Робин Гудом!

– Это есть журналист из Америка. Валья, Басаев есть герой, – согласился Свен. – Он сделать это, чтоб закрыть война или умереть.

– Там больные, беременные, роженицы! – повысила голос Валя, и все на них оглянулись.

– Русские пришли стрелять его дом, его дети, – возразил Свен.

– Чечня – часть России!

– Басаев сказать – Чечня есть колония для Россия!

– А если б финики решили, что они твоя колония, и захватили твою жену в роддоме? – громко спросила Вика.

– Это есть невозможно, – помотал головой Свен. – Мы есть первый мир, вы есть третий.

Мы не так делать политика, Валья!

Валя встала и скомандовала Вике:

– Уходим!

Свен поспешил за ними, уговаривая остаться, объясняя, что так уходить неприлично. Что в Европе, когда говорят о политике, не хлопают дверью. А гости замерли от этой неловкой сцены, ведь он представил Валью как «гёрл-френд с дочерью».

В конце месяца Горяев позвонил с вопросом:

– Во сколько тебя забрать с паспортом для политинформации?

– Через час, – ответила Валя, но из принципа не стала подкрашиваться Викиной косметикой.

Если дёргает её без предупреждения, пусть и получает в натуральном виде. Слава молча привёз в Георгиевский переулок со спины Госдумы и повёл в бюро пропусков.

– Это правда Дума? – спросила Валя, прочитав табличку.

– Правда.

С парадного входа Госдума выглядела солидно, подкупала тяжелым торжественным камнем. А сзади была скучно достроена современными кусками. В лифте встретили живых депутатов, и Валя пожалела, что не подкрасилась и что на ней простенькое платье.

Помещение, в которое вышли из лифта, было мрачное, стариковское, словно пропахшее нафталином, и люди в нём казались усталыми и надутыми. Слава отворил перед Валею большую деревянную дверь с табличкой «Горяев» и исчез.

В предбаннике перед кабинетом за столом сидела секретарша, можно сказать, классическая секретарша с короткой стрижкой, в очках и пиджаке с модно увеличенными плечами. Она вопросительно вскинула на Валю глаза.

– Мы договаривались о встрече с Виктором Мироновичем, – пробормотала Валя и густо покраснела. – Созванивались.

– Как вас представить? – холодно спросила секретарша.

– Валентина... – Валя готова была провалиться сквозь землю.

– И всё? – фыркнула секретарша.

– Да.

– Присядьте, – оскорбительным тоном разрешила секретарша, кивнув на кресло, и сняла телефонную трубку. – Виктор Миронович, к вам... некто Валентина.

Не прошло и пары секунд, как Горяев вышел из кабинета, поцеловал Валину щёку и вместо приветствия сказал:

– Пойдём в буфет, очень хочется есть!

И секретарша вскочила из-за стола и впилась в Валю новым взглядом, просверлив глазами каждый миллиметр её облика от заколотых волос до будничных туфель. Валя снова густо покраснела, а Горяев бросил на ходу:

– Лена, а ещё письмо в Новгород и списки! Для всех я на совещании.

– Чего она на меня так вылупилась? – спросила Валя, когда вышли в коридор.

– Свидетельство того, что ко мне не каждый день ходят любимые женщины, – усмехнулся он.

Буфет в Думе был жалкий, длинный, подвальный и неудобный. Сбоку несколько сидячих столиков, а напротив прилавка стоячка, как в советской пельменной. Цены как везде, хотя газеты писали, что депутатам всё даром.

– Ничего поприличней у вас нет? – удивилась Валя.

– Только столовка.

Нашли место за столиком сбоку.

– Смотри, смотри, Хакамада, – зашептала Валя. – Она такая стильная.

– Меня интересует только стиль её голосования, – скривился Горяев.

– У нашего метро старуха пела частушку:

Просто нету с милым сладу,

Как увидит Хакамаду.

Рвётся ящик обнимать

и орет: «Япона мать!»...

– Терпеть не могу баб в Думе, – он даже не улыбнулся. – Дети у них брошенные, мужья как вдовцы.

– Свен рассказывал, в шведском парламенте есть комната, чтоб женщины-депутатки кормили младенцев грудью.

– И часто ты с ним общаешься?

– Раз в неделю. Ему скучно без семьи, мы с Викой и таскаемся.

– Таскаетесь в качестве его семьи? – внимательно посмотрел на неё Виктор. – У нас с Гарантом, ласточка моя, наполеоновы планы! Соскучился, дела отменил, а у тебя в каждом предложении целлулоидный швед.

– Гарант – это кто?

– Ельцин.

– А почему он в Будённовск не поехал? – вспомнила Валя претензии Юлии Измайловны.

– Поехал на Большую семёрку говорить о терроризме, оставил в лавке ЧВСа. Выборы в следующем году, если б он в Будённовске лажанулся, президентом можно выдвигать Басаева. А ты хочешь такого президента?

– Скажи, почему их отпустили?

– Потому что с ними были заложники, и ЧВС дал слово. Военных ругают, а у них даже плана больницы не было, и снайперы лепили по ним сзади. Здание, когда штурмовали, качалось, как при землетрясении. А басаевцы прикрылись беременными бабами. Верно Степашка сказал: «Не мужики, а шакалы!»

– Басаев сказал, если погибнет Чечня, мы готовы погубить Россию! Доберёмся до Москвы! У Свена видела то, что наш телик не показывает, – со значением сказала Валя.

– А у Свена не показывали, что задача бандитов – великий исламский халифат с центром в Чечне? И тогда в шведском парламенте точно закроют комнаты для кормления сиськой! – Горяев стукнул ладонью по столу так, что на них оглянулись. – Беременные и роженицы, стоявшие живой мишенью, писали фамилии на руках и ногах, чтоб потом опознали!

– Ещё у Свена показывали интервью Ковалёва...

– Ковалёв там круглосуточно давал интервью, и ни слова, что все эти годы в Чечне был геноцид русских. Что их уничтожено около двадцати тысяч, а тысячи превращены в рабов! О Япончике ходатайствовал, за этих рта не открыл! Уполномоченный хренов!

У него зазвонил сотовый, он зло ответил:

– Горяев. Это не ко мне. Не я его назначал на командные высоты. Гаранту нужны качели – за десять красных одного Рыжего. Скажи Цицерону, нечего думать, трясти надо.

– Кто такой Цицерон? – спросила Валя, когда он закончил разговор.

– Виктор Степанович.

– В прошлый раз Трубой называли, ЧВСом, Чириком, – напомнила она.

– Хоть горшком назови, только в печку не ставь. Каждый раз хочу украсть тебя на дачу, и каждый раз то нет времени, то сил, – пожаловался он. – Прихожу на заседание Думы, а там Жириновский, Кашпировский, Мавроди, Марычев, Власов, Карелин и Невзоров! И у каждого из них цыганочка с выходом. То ли в цирк, то ли в спортзал пришёл, а решается судьба страны.

– Зачем вы их туда посадили?

– Это не мы, это вы их туда посадили, ласточка моя! – снова хлопнул он ладонью по столу, и на них снова оглянулись.

– А в Белый дом и сюда меня таскаешь, чтоб пыль в глаза пустить? – упрекнула она в ответ.

– Чтоб час на дорогу сэкономить. Не забывай, в декабре у меня перевыборы.

– Зачем звал?

– Не справился с тем, как соскучился...

Обратно ехала и счастливая, и подавленная одновременно. Белый дом, Госдума, прачечная дача. Всё почему-то тусклое, мрачное. Там любимый. Его оттуда никак не достать. Он служит стране. И надо намекать на Свена, чтобы отвоевать у страны кусочек его времени.

Слава домчал до подъезда. Пациенты терпеливо ждали в коридоре. Валя зашла в кухню.

– Тяжело в ваши годы быть девочкой по вызову, – ядовито заметила Маргарита.

Валя вспыхнула, а Вика мгновенно встала:

– Можно и на своём продавленном юзаться, но тогда это будет максимум лейтенант Ежевикин!

И Маргарита обиженно ушла в свою комнату.

Центр «Валентина» работал в прежнем режиме. Эдик встречал пациентов в угрожающем пятнистом прикиде, сидя за компьютером, важно разглядывал их паспорта, забивал данные в карту. Вика брала с них деньги, а Маргарита пафосно отвечала на звонки.

Дополнительно Вика тянула ляжку пионервожатой Эдика, а Валя, несмотря на «басевскую» вечеринку с иностранными журналистами, продолжала работу пионервожатой при Свене. Таскалась с ним раз в неделю то в театр, то в музей, то выбирать вещи для его шестикомнатной квартиры.

Однажды он повёл в гости к шведскому атташе по культуре, симпатичному Юхану Эбергу, живущему в одноэтажном особнячке возле Пироговки. У Юхана была весёлая жена Кайса и трое детей. Толпу гостей принимали на цветущей лужайке перед домом и очень вкусно кормили.

Валю поразили обаяние и открытость семьи дипломатов, ведь боялась, что они такие же самовлюблённые, как Свен. Кайса объяснила Вале, что «шведский стол» – это привычка шведов выставлять сразу все продукты, чтоб гости не ждали следующего блюда и сами решали, в каком порядке что есть.

Валя набралась смелости спросить про «шведскую семью». Кайса со смехом рассказала, что в европейских странах в шестидесятые-семидесятые были модны лозунги хиппи «занимайтесь любовью, а не войной», но американцы создали в прессе образ разнузданных шведов в ответ на то, что Швеция отказалась вступать в НАТО, считая свой путь социалистическим.

Тут Валя совсем запуталась, поскольку и образ жизни Свена, и то, что он рассказывал о своей стране, никак не напоминали социализм.

А поздно вечером позвонила Катя:

– Завтра в десять съёмка. Откладывали, откладывали – денег-то кот наплакал! Голову вымой, улыбайся, остальное на монтаже вытянем.

– Может, не надо? – заканючила Валя.

– Надо, Федя, надо. Вякнешь что-нибудь народно-природное про бесплодие.

– Что надеть? – спросила Валя Вику.

– Конечно, бирюзовое!

– Оно очень обтягивает. Правда, я его считаю счастливым, ходила в нём на первое свидание с Виктором...

– Нет базара, только бирюзовое. Часы с кулоном выправишь, типа добрая совковая нотка. А я, как твоя управляющая, прикинусь помажорней. По-любому раскручиваем «Центр «Валентина»!

Валя с Викой добрались до Останкино и ввинтились в толпу у семнадцатого подъезда. Знакомая по прошлой передаче администраторша с красными волосами почтительно вынула их из толпы, повела наверх и оставила в просторной гримёрке на шесть кресел.

Валя досталась симпатичному парню с нежными руками, одетому в подчёркнуто гомосексуальной стилистике. В соседнем с ней кресле сидел живой Познер, у Вали от потрясения зашекотало в носу, а Вика, вместо того чтоб присесть на диван, застыла у стены как соляной столб. Пожилая гримёрша клала Познеру на лицо тон и жаловалась на жизнь, а он вежливо кивал.

– Вы врач? – спросил гримёр.

– Целительница, – ответила Валя.

– Травы, заговоры?

– Массаж, рейки-терапия, биоэнергетика, – ответила Валя. – Сильно не красьте, пожалуйста.

– Косметики на лице должно быть такое же точное количество, как приправы в кастрюле. Иначе испортишь всё блюдо, – улыбнулся гримёр.

Тут появилась как обычно лохматая Катя.

– Здравствуйте, Владимир Владимирович! – просияла она, видя Познера. – Валь, будет мужик из «Счастливой семьи», врач-гинеколог и кликуша антиабортная. Больше никого не нашли. Лови интонацию, чтоб вставить своё.

– Как это?

– Например, мужик говорит, рожать только в воде. А ты ему – про загрязнённые водоёмы. Антиабортная – мол, убивают младенцев. А ты ей – при криминальных абортах младенцев погибает больше! Чтоб был конфликт.

– Ты ж сказала про «народно-природное», – занервничала Валя.

– Антиабортная сама оказалась по природно-народному, так что гаси её чем попало. – Катя повернулась к Вике. – Студия та же, найдёте!

Потом схватила со столика щётку для волос и начала чесать многодневно немытую шевелюру. Гримёр поморщился. Его косметическое хозяйство сияло в распахнутом чемоданчике стерильными рядами. Катя бросила щётку и унеслась восвояси, а гримёр снял со щётки Катины волосы, покачал головой и вымыл сперва щётку, потом руки.

– Кулон с часами выправь на платье! – на всю гримёрку скомандовала Вика. – Нам важна картинка.

Валя с Викторией вошли в студию, когда съёмка уже началась. Два человека сидели перед аудиторией в креслах.

– Проходите потихонечку, – зашипела на них незнакомая женщина.

Сели в последний ряд, стали искать глазами Катю и Горбушкину.

– Снимите пелену с глаз! Посмотрите, что пишут о президенте «Известия», «Московские новости», «Общая газета»! – выкрикнул бородастый в ковбойке, сидя в кресле. – Дирижировать по пьяни оркестром в Германии у него получается лучше, чем управлять страной!

– Все президенты мира участвуют в популистских спектаклях. Доить корову, играть в гольф, дирижировать оркестром – стандартный политехнологический набор! – возразил из своего кресла ухоженный в дорогом костюме.

– Как называется передача? – шёпотом спросила Валя соседа.

– Это пилот, – ответил тот.

Валя потянула Вику из студии:

– Не наша передача, тут про пилотов.

Вышли в коридор, окончательно заблудились. Стали дёргать все двери подряд, пока их не схватила Катя и не втокнула в нужную студию. Здешний белый задник был размалёван молодыми мамами с колясками, рекламой детского питания и памперсов.

Вику посадили в первый ряд, а Валью за столик к монитору. Там уже сидели патлатый мужчина в клетчатом пиджаке, высокая красивая женщина в деловом бежевом костюме и тётка, ряженная под квасную патриотку. Платье на тётке было расшито тесьмой, словно она пела в фольклорном ансамбле, а поверх крупных бус висел деревянный крест с ладонь.

К монитору вышла Галина Горбушкина в ярко-фиолетовых, неприлично обтягивающих лосинах и прозрачной кофте.

– Ты чё не одетая? – закричала на неё Катя.

– Да всё гладит дура старая Львовна! – огрызнулась Горбушкина. – Ты когда её уберёшь?

– Куда уберу? Львовна в Останкине всю жизнь проработала. Если на такие деньги молодую найдёшь, она тебе тысячедолларовое платье с разбегу прожжёт, – возразила Катя.

– Платье не готово, публика не сидит, – обратилась Горбушкина к Вале за сочувствием, словно они были приятельницами.

– Здравствуйте, – вежливо кивнула Валя.

– Как поживает наш обаяшка-депутат? – сладко пропела Горбушкина.

– Нормально, – кивнула Валя.

– К нему крошечное дельце! Бизнес близкого человека.

– Позвоните ему, – посоветовала Валя.

– Это нулевая стратегия, но если вы замолвите словечко... – голос у Горбушкиной потёк, как варенье. – Мы бы славно поужинали на четверых в чудесном местечке!

– Спрошу, – пообещала Валя.

– Спасибо, моё золотце, – проворковала Горбушкина, впилась в Валину щёку мокрым поцелуем и побежала переодеваться.

Валя тут же пожалела о сказанном, сама не может с ним увидеться, а тут с Горбушкиной и её другом. И, пока раздумывала над этим, Катя заорала:

– Экспертов прошу на площадку!

Сидящая у мониторов четвёрка экспертов вышла и расселась по креслам. Валя угнездилась в предложенном кресле, но, увидев напротив себя студию, полную народу, страшно напугалась. С Зайчиковым они были вдвоём, а тут всё оказалось по-настоящему. Сейчас она опозорится, сморозит глупость, и студия засмеётся. Да ещё и Вика строила рожи из первого ряда.

– Пятисекундная готовность! – гаркнула Катя, и стало ещё страшнее.

Горбушкина вышла под аплодисменты в платье изнурительно оранжевого цвета и тяжёлом чёрном ошейнике на шее. Ага, подумала Валя на автомате, лечит сердце, горло, щитовидку, суставы, нормализует давление и слух. Но само украшение сделано как для садо-мазо. Неужели она сама его выбрала?

– Здравствуйте, дорогие друзья! Наш сегодняшний разговор о самом важном моменте жизни каждого... о миге рождения... – бойко начала Горбушкина в микрофон. – Стоп!!!! Кать, ну кто это писал? Ну как это можно выговорить? «Омигерождения»? Ты глухая на оба глаза?

– Скажи «о часе рождения»! – согласилась Катя, стоя возле одной из камер.

– О тайне рождения, – возразила Горбушкина.

– Скажи «о рождении человека» и давай быстрее, – поторопила Катя.

– Здравствуйте, дорогие друзья! Наш сегодняшний разговор...

– Стоп, стоп! – вмешалась Катя сбоку. – Энергичней! Ты как вареная колбаса.

– Здравствуйте, дорогие друзья! Наш сегодняшний разговор о самом важном моменте в жизни каждого из нас... о рождении человека, – пропела Горбушкина.

– Гениально, – буркнула Катя.

– Научно-технический прогресс требует отнестись к этому мигу по-новому, но новое – это всегда хорошо забытое старое, – читала Горбушкина по телесуфлёру. – С нами врач-гинеколог Ирина Куница, целительница Валентина Лебедева, член ассоциации «Счастливая семья» Алексей Иванов и руководительница общества «Божье дело» Тамара Будкина.

Валя сидела ни жива ни мертва. Врач-гинеколог с пушистой фамилией Куница, эдакая фотомодель с внимательными глазами, казалась совсем молодой. И Валя снова почувствовала себя выскочкой без высшего образования. Слава богу, не прямой эфир, а запись. Все её глупости успеют вырезать.

– Скажите, госпожа Куница, как вы, врач-гинеколог, относитесь к новомодным теориям о родах в воде? – начала Горбушкина.

– Статистики по родам в воде нет, все несчастные случаи скрываются, чтоб псевдоакушеры не сели в тюрьму, – ответила красавица-гинеколог. – Вода – это, конечно, романтично, но где гарантия, что не обнаружатся осложнения? Поймите, акушер должен быть частным детек-

тивом, который просчитывает и предугадывает любые мелочи. И обязан во всеоружии встречать любую непредвиденную опасность.

– Что скажете на это, господин Иванов? – переключилась Горбушкина на патлатого в клетчатом пиджаке.

– Наша ассоциация учит супругов принимать роды в бассейне, – с готовностью откликнулся представитель «Счастливой семьи». – Роды проходят в приподнятой атмосфере праздника: летом – в водоёме, в ванне – зимой. Мы украшаем свечами и цветами место, где маленький человек появится на свет!

– Какими ещё свечами? – возмутилась гинеколог Куница. – А если внутреннее кровотечение? Там дело идёт не на часы, а на минуты! А если парадоксальная реакция? А если роженицу надо кесарить?

– Целительница Валентина, вы что думаете? – повернулась Горбушкина к Вале.

– Мне кажется, нужно учитывать и накопленный опыт, и современные технологии. Знаю от своей бабушки-знахарки много примет, связанных с родами. – Валя всё-таки решила говорить про народно-природное, и страх сразу прошёл.

– Помню только, что нельзя заранее готовить приданое, – добавила Горбушкина.

– Ещё надо сообщать как можно меньшему количеству людей, что начались схватки. В деревнях, когда шли потуги, муж ложился у порога, а роженица переступала через него и порог девять раз, – перечислила Валя. – Чтоб роды были лёгкими, надо открыть всё открывающееся: дверцы шкафов, духовку, выдвинуть ящики, отпереть висячие замки. При тяжелых родах даже просили священника отпереть в церкви царские врата, считалось, тогда и для новорождённого откроются врата материнской утробы.

– Верно говорит, к природе и к Богу надо быть ближе! – закивала Будкина.

– К природе и воде! – поддержал патлатый.

– Так вы одобряете роды в воде? – удивилась Горбушкина.

– Мне кажется, мода на роды в воде – это протест против безобразных роддомов, – попыталась объяснить свою позицию Валя. – Легко говорить о воде, свечах и цветах, но как взять на себя такую ответственность? Вот у меня среднее медицинское образование, но я бы не решилась принимать роды, ведь самое страшное – это неуверенные руки акушера.

И сказала это так искренне, что зал заплодировал. Скосила глаза на Катю, та подняла вверх большой палец.

– Именно! Когда я сдавала экзамен, профессор кинул мокрые перчатки не по размеру и сказал: вяжи узлы на скорость! – вмешалась гинеколог Куница. – Я только через много лет поняла, сколько жизней он этим спас. Ведь когда начинается внутреннее кровотечение, всё заливает, ты шьёшь и вяжешь узлы в крови на скорость! Случись у них там что, в воде со свечками, роженица погибнет!

Публика снова заплодировала.

– Дитя – это плод любви, рождённый в браке от венчанного мужа! – попыталась перекричать аплодисменты Будкина.

– Дева Мария тоже родила не от мужа! – выкрикнул из первого ряда бородатый господин в очках.

– Камерой! Камерой возьми его крупно! – гаркнула Катя на оператора.

– Вы кто по профессии? – спросила Куница Иванова.

– Я – инженер и пять лет состою в обществе «Счастливая семья»! – гордо ответил патлатый. – Мы с женой родили в море двоих детей!

– Только рожали не вы, а жена. А вы, как маленький мальчик, играли в доктора. Это она рисковала своей и детской жизнью, а не вы! А знаете, сколько надо принять младенцев, чтобы у вас не дрожали руки?

– Лично я вспоминаю роды, как страшный сон, – внезапно встала Горбушкина. – До сих пор иногда снятся... Сначала никого нет, потом все орут, а потом я уже ничего не соображаю и они всё сами за меня делают.

– Во время родов женщина проходит три стадии. Сперва боль и страх. Потом полную апатию, и, только увидев ребёнка, она «просыпается» и приходит в состояние экзальтации, – пояснила Куница. – Роженицы часто принимают естественную апатию за усталость от борьбы с персоналом.

– Минздрав – враг России! – ни с того ни с сего заорала Будкина. – Он разрешает аборт! Долой врачей-детоубийц!

– Убийцы! Убийцы! – вскочили и начали скандировать две тётки из второго ряда в таких же расшитых платьях, как на Будкиной, и подняли над головой по иконе.

– Третья камера, не стой столбом! – гаркнула Катя. – Снимай их! Галя, гони в абортную сторону!

– Скажите, госпожа Лебедева, а как вы относитесь к абортам? – повернулась Горбушкина к Вале.

– Аборт – это очень страшно, но женщина идёт на него, когда нет возможности вырастить. И ещё потому, что её не научили предохраняться, – ответила Валя, и стоп-кадры собственного ужасного аборта поплыли перед глазами. – А врач делает аборт, чтоб она не пошла к бабке, чтоб после аборта был один труп, а не два!

Говорила выстраданно, и получилось так складно и проникновенно, что зал снова захлопал. Потом обсуждали, что когда после родов матери на грудь кладут ребёнка, у неё начинает мощно сокращаться матка, и это ускоряет изгнание последа, а в совковых роддомах ребёнка тут же уносили.

Что главное для ребёнка – контакт с матерью с первого мига. Что его надо держать на руках столько, сколько он хочет, иначе будет невротиком. Что мать должна кормить только в спокойном состоянии и только когда кроха проголодается, а не по часам. Что беременная не должна вести себя как кусок мяса, потому что у тренированной матери ребёнок тренируется для перегрузок.

– Галь, надо репродуктивный центр отработать, – остановила разговор Катя.

– О господи! – вздохнула Горбушкина, глянула на монитор и с надеждой повернулась к Вале. – А есть у нас поблизости мистические места, помогающие бесплодным забеременеть?

– Пациентки рассказывали, что в Коломенском лежит Девий камень, а в Ярославской области – огромный валун Синь-камень, – припомнила Валя. – Не возьмусь говорить, помогают ли они. Мне кажется, если супруги здоровы физически, но у них не получается, стоит обратиться к психологу.

– А ещё лучше прибегнуть к услугам Центра репродукции! – медовым голосом подхватила Горбушкина. – Ведь какая разница, кто выносит ребёнка, если у него ваши гены и вы его любите?

– Дети из пробирки – это смертный грех! – заорала Будкина.

И группа её поддержки снова вскочила, подняв над головой иконы с отрететированным:

– Убийцы! Убийцы! Минздрав – враг России! Минздрав – враг России!

– Можете заткнуться, пока я говорю рекламный текст? – разозлилась Горбушкина, но это только подогрело тётки.

– Убийцы! Безбожники! Минздрав – враг России! Минздрав – враг России! – заголосили они ещё громче.

– Смертный грех??? – перекричала их в микрофон Горбушкина. – Я покажу вам фотографии этих прекрасных детей! Сами вы – смертный грех!

И студия заплодировала.

– Молодец, завершай, – сказала Катя.

Съёмка закончилась, к Вале подбежала пожилая женщина, протянула входной билет на передачу, ручку и сказала:

– Видела, как у Зайчикова про деревья рассказывали. Волосы у вас как у царевны. Автограф напишите!

Валя не поняла, чего от неё хотят, и женщина показала пальцем:

– Вот туточки: «Татьяне Васильевне от целительницы Валентины. На доброе здоровье!»

Валя написала продиктованное, краснея, словно обманула доверчивую женщину, выдав себя за кого-то знаменитого.

– Ну, ты была интенсивная! – сказала Вика, её распирало от гордости. – Остальные, кроме гинеколога, просто разбодяженные водоросли!

– Приятно было познакомиться, – протянула руку Куница. – Впервые вижу думающую целительницу. Вот моя визитка, если что, звоните.

– Спасибо, – снова покраснела Валя.

– Лучше всех, краше всех, – восхитилась Горбушкина. – Не забудь про ужин!

– Ты, Валь, считай, всю передачу вытащила, – приобняла её Катя. – Нам и с Минздравом ссориться нельзя, и репродуктивный центр надо лизнуть, и без этих маргиналов драматургии нет. Сложу на монтаже так, что рейтинги зашкалят. Иди с девочкой на семнадцатый подъезд, машину вам обратно заказала!

Всю обратную дорогу Вика тарыхтела:

– Ты сделала этого «водорожателя» в пыль! Он ссал кипятком и выдыхал паром! Прикинь, Познер из гримёрки выходит, я ему «здрасьте», а он кивнул и улыбнулся! Думаешь, просто так? Это, типа, знак!

А Валя была подавлена и чувствовала, что на боль, затолканную глубоко внутрь и засыпанную слоями повседневной мишуры, в студии плеснули бензина, чиркнули зажигалкой. Там снова начался пожар, и душа её снова выгорает до немой груди пепла.

Она постоянно лечила и массировала детей, трогала их нежные ручки и ножки, вдыхала чудесный запах их кожи, переживала за них, купалась в их смехе и щебете. Но это были чужие дети.

Ей не довелось кормить сперва грудью, потом ложкой, тискать, укачивать, носить на руках, рассказывать сказки, мазать зелёной разбитые коленки, дуть на них, переживать за каждую двойку, каждую драку, каждый подростковый прыщик и учить всему по очереди. Взрослая Вика никак не могла этому помочь, ведь плохо ли, хорошо, но растила её другая женщина. И передача в очередной раз выложила в Валиной душе камнями холодное «никогда».

На следующий день заехал Свен, пришлось таскаться с ним по антикварным, ужинать в «Метрополе». Валя рассказала о передаче и шутливо добавила, что провела бы её не хуже Горбушкиной.

– Телезвезда имеет пустой голова, – поморщился Свен. – Она любит смотреть себя в телевизор. Это радость для тинэйджер.

И Валя подумала, что зря поделилась с ним своим маленьким успехом, наверное, в Швеции совсем другое телевидение, деловое и скучное. Потому Свен и не понимает, что в России телевидение сейчас главный язык, на котором проговаривается новая жизнь.

А для Вики съёмка была как витамины, после неё она так осмелела, что съездила в ресторан своей матери показать липовый аттестат, который организовала Валя. Мать сперва не знала, как себя вести, – то плакала, то кричала. Чтоб успокоить её, Вика попросила поесть, и всё сразу наладилось. Мать захлопотала с тарелками, стала жаловаться на проблемы ресторана.

Про то, как клиенты и сотрудники воруют еду и посуду, как трудно научить девку из аула класть в винегрет горошек, как дорого стоит хороший кондитер, как приезжие работники

прячутся на ночёвку в подвале. Потому что на метро у них денег нет, а подвал ресторана по сравнению с их жильём дворец. Вика ела, слушала, кивала, обещала забегать.

А вернувшись, объявила Вале:

– Это ваше телевидение – полный отстой, только я знаю, как делать новое телевидение!

– Хвастать не косить – спина не болит, – осадила мать.

– Бабуль, об меня теперь кроссовки не вытрешь – со мной сам Познер поздоровался!

А Валя улыбнулась:

– Новое телевидение делать тебе и таким, как ты. Наш потолок «Голубые огоньки», а тебе жить в новое время.

И подумала, что профессорша похвалила бы её за такую формулировку.

Позвонил Виктор, нежно попросил:

– Приезжай, ласточка моя, кофейку попить.

– Не приеду, – обиженно буркнула Валя.

– Приедешь! – возразил он. – Не звонил, был в больнице. Думал, обследуюсь, а там нашли в сердце маленькую бяку, но сейчас уже нормально.

– Почему не сказал? – аж закричала Валя. – Я же целительница!

– Потому что люблю тебя бескорыстно.

Через час, разметав больных, уже сидела возле него в баре двадцатидвухэтажной гостиницы «Интурист». Валя никогда в жизни не забиралась так высоко, и было сладко и тревожно смотреть отсюда в окно на суету улицы Горького, зачем-то переименованной в Тверскую.

Светлели крыши столпившихся интуристовских автобусов, пестрели зонтики над столиками кафе, выставленными прямо на тротуаре, двигалась разноцветная толпа. Кроме иностранцев, в баре сидели явные бандиты и проститутки, хотела спросить о них Виктора, но не решилась.

Он выглядел осунувшимся, у Вали сжалось сердце. Но «посмотреть» его как пациента не могла – у своих почти никогда ничего «не видела».

– Хороша была в передаче про роды, – сказал он. – Горбушкина кассету прислала.

– Я ей обещала вчетвером поужинать, – вспомнила Валя. – Ну, то есть обещала, что тебе скажу...

– Запомни, для всей планеты ты меня два раза в жизни видела. Горбушкина живёт с бандитом, двигает его делишки. Дай ей палец, откусит руку по локоть!

– Так и скажи «нет».

– Никто, ласточка моя, не должен знать, насколько ты мне дорога. Не хочу, чтоб завтра, выбивая из меня что-нибудь, тебя взяли в заложницы. Моя внучка с охранником в зоопарк ходит!

– А ты? – заволновалась Валя.

– И я с охраной.

– Слава с пистолетом?

– В том числе Слава. Хорошую охрану, ласточка моя, глазами не видно, – и поменял тему. – Как твой швед?

– Сказал, что телезвезда – это женщина с пустой головой.

– Моя собака одну кость грызёт, другую лапой прижимает, чтоб не забрали. Так и ты шведа при себе держишь.

– Не держу, сам держится, – начала было Валя. – Тяжело вырываться по твоему свистку. Хочу с тобой, как говорила бабушка, и в пир, и в мир, и в добрые люди.

– Вариант А: ухожу из политики, сажусь на даче выращивать розы и учить с внучкой уроки. Превращаюсь в придурка-пенсионера, вижу с тобой три раза в неделю и глубоко ненавижу тебя за погубленную жизнь, – улыбнулся он.

– Зачем уж так? – фальшиво запротестовала Валя, хотя предложенный вариант казался ей идеальным.

– Вариант Б: идёшь ко мне секретаршей. Вижу тебя каждый день. Ты непрофессиональна, я ору и злоблюсь. Все понимают, что ты моя женщина. Тебя либо мочат, либо подкупают. Моя благоверная делает нашу жизнь адом, – ещё веселее предложил он.

От обиды у Вали запыхали щёки:

– Швед тоже звал в секретарши. За тысячу долларов и с замужеством. А может, я как профессионал больше каждого из вас умею? Посиди у меня на приёме, посмотри, что я делаю! Но я ж тебя не зову в секретари!

– Пойми, у меня окончательное окостенение режима и статуса, – он положил ладонь на Валину руку, – меня уже нельзя гнуть, я не гнусь, а сразу сломаюсь.

– А меня гнуть можно? – Валя выдернула руку из-под его ладони.

– Ты – молодая берёзка, растёшь и тянешься к солнышку. У тебя ещё много сил и направлений. А я уже старый пень, – в глазах у него загорелись искорки. – Ясно, что замуж хочешь, чтоб с утра и до вечера твоя. Я не против, только не за шведа!

– За убогого, чтоб ночами о тебе вздохнуть? – в тон ему продолжила Валя.

– Чтоб глупый, бедный, нудный и по возможности импотент, – рассмеялся Горяев.

И снова после встречи отросли крылья. И снова подумала, ничего не надо менять, пусть так длится и тянется, начну двигать счастье – упадёт, разобьётся в кусочки. Бабушка говорила – подальше положишь, поближе возьмёшь.

И когда приторная Горбушкина позвонила с вопросом: «Ну, красавица, говорила со своим?», Валя ответила: «Звонила, но секретарша не соединяет».

– А говорили, ты с ним плооооотненько, – разочарованно протянула Горбушкина. – Отполз уже? Ну и не жалею. Он только с виду солидный, а по делу тот ещё упырь. Да и староват для тебя!

Протежирование Вале было в диковинку, и она чувствовала себя виноватой.

Потом снова позвонил Горяев:

– Поедешь со мной на три дня в захолустье?

– Как это?

– Положишь в сумку вечернее платье, зубную щётку, и Слава тебя заберёт.

– Как куклу на ниточке дёргаешь... Мне это тяжело.

– Думаешь, мне легко? Не поедешь, будет совсем худо. Слава заезжает?

Мать на эту новость презрительно объявила:

– Баба без характера, что хлеб без соли...

А Вика подмигнула:

– Поурагань там в пампасах на всю катушку!

И стала укладывать в чемодан самые модные Валины летние вещи.

Заехавший Слава всю дорогу молчал, подвёл к поезду, усадил в дорогое купе на двоих. Не хуже, чем в финском поезде «Лев Толстой».

– А где Виктор Миронович? – напряглась Валя.

– В соседнем.

– А с кем я буду ехать?

И представила в соседях бритого русского бандюгана или кавказского мафиози с золотыми зубами. Кто ещё мог бы позволить себе такие дорогие билеты?

– Поезд поедет, он позвонит на сотовый, к нему перейдёте.

– А сюда кто придёт?

– Никого. Утром сюда вернётесь.

– Два ж лишних места пустыми поедут! Деньги-то какие! – охнула Валя в материнской манере.

– Про деньги не в курсе. – Слава уже привык к Вале, но обсуждать шефа себе не позволял. – Моя работа охранять и педалить.

– Педалить? – не поняла Валя.

– Тормоз и газ. У Виктора Мироныча педалей побольше.

На столике стояла вазочка с трогательным букетиком живых цветов, на окнах хрустели накрахмаленные занавески, в туалете была идеальная чистота, жидкое мыло и бумажные полотенца, а на лице проводницы неугасающая улыбка. Валя не видела такого даже по дороге в Хельсинки.

Прежде считала, что российский поезд принципиально унижительное место, а проводницам выдают специальное выражение лица, словно ты глупостью отрываешь их от серьёзных дел.

– Скажите, пожалуйста, – спросила проводница, – ваш начальник пьёт на ночь чай или кофе?

– Какой ещё начальник?

– Вы разве не помощница депутата Горяева?

– Помощница, а не домработница. У него и спросите, что он пьёт, – не стала церемониться Валя.

Представила, как эта же проводница в обычном вагоне орёт:

– Куда прёте, женщина, со своими чемоданами? Второй туалет не открою – он сломан. Постельное бельё за собой собирайте, я вам не прислуга. С собакой не пушу, плевала я на все ваши справки.

Зазвонил сотовый, Виктор предложил:

– Заходи, помощница.

– Кто оплатил эти два СВ? – возмущенно начала она с порога, как в политическом ток-шоу.

– Я.

– Откуда у тебя столько денег? Хочу знать, на какие деньги меня возят поразвлечься! – потребовала Валя.

– Раз хочешь знать, садись и слушай. Когда началась приватизация, мы с другом акционировали убитое предприятие. Отремонтировали, закупили новые технологии, теперь стрижем деньги с акций. Акции принадлежат жене, так что всё по закону.

– Прихватизировал часть народного добра! – перевела Валя на родной язык.

– Есть целая серия книжек для детского сада, объясняющая суть приватизации. К сожалению, взрослые эту серию не читают. Смотри, есть комбинат, производящий убыточную продукцию. Продать её нельзя, затраты на производство выше, чем её цена. Понятно?

– Ну...

– Откуда получают деньги рабочие? Из госбюджета, в который, кстати, ты не платишь налоги со своей целительской деятельности.

– У меня мать и Вика!

– В законе не написано про мать и Вику, и закон ты нарушаешь. Так вот, этот убыточный комбинат выставляют на торги. У тебя и у меня равные возможности купить его, но ты его не купишь, даже если есть деньги.

– Бандиты не дадут?

– Дадут. Но что ты будешь с ним делать? Всё изнутри надо вычистить, выбросить, закупить новое оборудование. Это дороже, чем за само здание. А сделать комбинат эффективным могут только те, у которых большие деньги, большие связи и большие навыки организации именно этого производства. Ты можешь организовать целительскую клинику, я – никогда. Я – могу организовать комбинат, ты – никогда. Понятно? И рабочим, которые будут у меня рабо-

тать, я заплачу свои деньги, а не государственные. И в госбюджет заплачу налоги с производства, чтоб у твоей матери была выше пенсия. Поняла, что такое приватизация?

– Откуда у тебя деньги, чтобы вложить в производство? – не унималась Валя.

– Сейчас, ласточка моя, середина 1995 года. Если б ты имела кабинет, когда мы познакомились, то за десять лет работы сделала бы деньги. 10 долларов за больного. 50 долларов в день. 300 долларов в неделю. 1200 в месяц. 14 400 в год. 144 000 за десять лет. Могли у тебя к сегодняшнему дню быть в руках деньги?

– За десять долларов цыганка по руке гадает, – обиделась Валя. – А я стою дороже!

– Тем более. Но ты поздно начала, а я рано. И за это держу отчёт перед тобой и избирателями.

– Но пресса пишет... – не сдавалась Валя.

– Хочешь, пресса завтра напишет, что ты дочь африканского короля? Заплачу, и напишут. Надо меньше читать прессу, больше помогать стране выздоравливать и быть счастливыми хотя бы урывками.

– Пусть пресса напишет, что я твоя помощница, – скривила губы Валя.

– У нас молодой депутат взял помощником бандита, чтоб разруливал проблемы. Уезжает депутат в командировку, а помощник вешает на кабинет табличку со своей фамилией и братву принимает, – вспомнил он со смехом. – Идёт другой депутат, видит табличку с незнакомой фамилией. Думает, кто же это? Заходит, а там бритое чмо в кожаной куртке, ноги положил на стол, пальцы веером, а перед ним четыре таких же. И этот «помощник», изображая депутата, рычит на них: «Ты чё, в натуре, бабки не принёс? Ща позвоню, и тебя по-любому в асфальт закатают!» Скандал был до небес!

– А как фамилия депутата? – засмеялась вместе с ним Валя.

– Я забыл, – хитро прищурился он. – Можно, я тебя поцелую?

Она видела в кино, как люди занимаются любовью в поезде, но не представляла, что это возможно с ней. Колёса гремели, болты скрипели, в лицо летели фонари из окна.

Казалось, сейчас поезд налетит на непреодолимую преграду, рассыплется в куски, и они, обнявшись, голыми вылетят на откос возле железной дороги. Но было всё равно, потому что Валя никогда и нигде не ощущала такой плотности счастья.

– А твоя жена? – зачем-то спросила она.

– Жена – это родной чужой человек. Её надо раз в день выслушивать, думая о своём, и кивать: «Да, в этом есть рациональное зерно».

– Так женись на мне, – осмелела Валя.

– Протокол не позволит. Назвался груздем – полезай в кузов.

Утром приехали в маленький городок, утопающий в сирени, поселились во вполне пристойной гостинице в соседние номера. Валя долго обживалась, развешивала одежду, приняла душ, подкрасилась. Ведь это была первая в её жизни гостиница. Виктор не звонил, и было непонятно, чем заняться.

Спустилась в нижнее фойе, где стоял киоск с прессой и ухоженный старомодный фикус. Стойка администратора пустовала, и некому было задать вопросы о городе. А за барными столиками, несмотря на утро, распивали и ссорились хамоватые братки в футболках с английскими надписями, только один был в светлом шёлковом летнем костюме турецкого разлива. При появлении Вали братки окаменели, как по команде «смирно».

– Девушка, не подскажите, сколько времени? – спросил один, встав из-за столика и подойдя вплотную, а остальные загоготали.

Валя отвернулась к газетному киоску, купила газету, стараясь не замечать братка, но он не отставал. Одной рукой потянул её за сумку, другую положил на талию. Врезать ему Валя побоялась – чужой город, большая кампания.

– Где у вас администратор? – сурово спросила она у газетчицы.

– Да вот он, – кивнула девица на парня в турецком костюме.

– Типа проблемы? – мерзко осклабился парень в турецком костюме под ржанье компании.

– Проблемы у вас! – сказала Валя, чувствуя, что браток всё настойчивей тянет её за сумку и всё жарче сжимает пальцы на её талии. – Если не можете обеспечить порядок в гостинице, поищите другую работу.

– В каком месте я тебя, кисуля, не обеспечил? – продолжал хамить администратор.

– Я – помощница депутата Горяева, а ты с завтрашнего дня безработный! – отчеканила Валя неожиданно для самой себя и отпустила сумку.

Сумка осталась у братка, а его рука, лежащая на талии, автоматически разжалась.

– Извините! Вовчик, ушёл! Быстро ушёл из видимости! – подскочил администратор, как ужаленный. – Извините, сидим, шутим. На красивую девушку слюни потекли!

Выдрал из рук Вовчика сумку, подал Вале:

– Клянусь мамой, обидеть не хотели!

Валя быстро пошла по лестнице наверх, уронила купленную газету, вбежала в номер и разревелась. Хотелось обвинить Виктора – бросил, подставил. Но таких ситуаций с ней была тысяча без всякого Виктора. И она не виновата ни в чём, кроме своего пола и своей внешности. А что было бы дальше, если бы она не представилась важной фигурой из Москвы? А если бы это было ночью?

Постучали. Валя вытерла слёзы и распахнула дверь, в надежде увидеть Виктора. Перед ней стоял администратор с подносом, на котором высилась бутылка шампанского и лежала шоколадка.

– Пацаны прощенья просят, – многозначительно поднял он бровь.

– Пошёл вон! – заорала Валя в нехарактерной для себя манере и швырнула дверью так, что поднос с бутылкой подскочил ему в лицо.

Встала у окна, пытаясь успокоиться, в дверь снова забарабанили.

– Кто там? – спросила она зло.

– А есть варианты? – откликнулся голос Виктора.

– Есть, – зашипела Валя, открыв.

– Почему глаза красные? – с порога заметил он.

– Если не уволишь администратора гостиницы, я уезжаю.

Понимала, что это единственный способ лечить людей от хамства. В маленьком городке узнают, за что уволили, задумаются.

– Как скажешь, – кивнул он, внимательно рассматривая её, словно увидел впервые. – Пойдём обедать, там и уволим.

Спустились в ресторан. Администратор, видя их, вытянулся за стойкой в струну. Подбежали три официанта.

– Директора, – буркнул Виктор.

– Из горячего у нас котлеты по-киевски, утка жареная, свинина с апельсинами, – замурлыкал официант.

– Две свинины. По-человечески, без апельсинов. Закусочек и вина, самого приличного, что у вас есть.

К столику подбежал мужчина в красном пиджаке, с толстой золотой цепью на шее.

– Здравствуйте, Виктор Миронович! Я директор гостиницы. Не сквозит ли в номерах? – засуетился он.

– Администратор, который сейчас работает, должен быть немедленно уволен, – холодно сказал Горяев.

– Окошкин? Он что-то сделал? – удивился директор.

– У меня всё! – рявкнул Горяев.

И директор начал удаляться, кивая и пятясь спиной, как древний японец.

– За успех поездки! – поднял Горяев бокал. – Как говорит ЧВС, вино нам нужно для здоровья, а здоровье нам нужно, чтобы пить водку!

Валя натянуто улыбнулась. Ели после этого молча, потому что официанты не отходили от стола.

– Сейчас экскурсия по городу и встреча в модном кабаке, – предупредил Виктор.

– Зачем обедали, если в кабак? – удивилась Валя. – На охоту ехать – собак кормить?

– Не угадаешь, чем накормят в провинции. А здесь вполне.

У подъезда гостиницы стояли три дорогие иномарки. В одну посадили Валю с Горяевым. В другую сел низенький толстый мэр. В третью – угодливо улыбающиеся здоровенные мужики.

– Кто эти люди? – тихо спросила Валя.

– «Обыск покажет», – усмехнулся Горяев, и водитель в ужасе на него обернулся.

Машины снялись с места и рванули по главной улице, на которой всё живое испуганно уступало им дорогу. Минут через десять остановились около разрушенной монастырской стены и собора, обшитого лесами.

Толстенький мэр выскочил из машины, открыл Вале дверцу:

– Это наш знаменитый собор. Идёт реставрация, скоро всё засияет!

– В прошлом году отчитывались о его реставрации, – нахмурился Горяев.

– Оказалось, Виктор Миронович, он очень какого-то века... Вызвали французских реставраторов делать анализ кирпичей, – вдохновенно врал мэр. – Они сказали, особенная каменная кладка, пришлось переделывать.

– Зато, говорят, у тебя казино выложены обычной кладкой и растут как грибы, – напомнил Горяев.

– Так налоги платят. В детский дом телевизоры купили, – развёл руками мэр: дескать, я, конечно, против, но время такое.

И снова помчались мимо драных старых избёнок с кружевными наличниками, облупленных пятиэтажек и завалившихся заборов. Затормозили на горе, где высилась металлическая башня и было сооружено что-то грубое, цементное, вроде смотровой площадки.

– Телебашня, своё телевидение! – похвастался мэр. – А вон мост. Реставрируем. Завод, правда, встал. Ищем инвестора.

– Чем народ живёт, если градообразующее предприятие встало? – строго спросил Горяев.

– Огородом. В Турцию ездят. Шапки делают из козьей шерсти. Даже в Москву их возят. Вышивка местная. Мы вам подарим, – он поскрёб в затылке. – Поднимать надо город! Губернатор не слышит.

– У вас же завод холодильников.

– Да вон он, – показал мэр вдаль. – Старые линии. Делают потихонечку сковородки и кастрюли. Возят продавать.

– Сами возят? – удивился Горяев.

– Им зарплату дают кастрюлями, – вздохнул мэр. – Хотел завод на аукцион выставить. Губернатор сказал, сиди, не высовывайся.

Следующей остановкой был новодельный ресторан, собравший в себе тупую бетонную архитектуру, облака пластмассовых растений и пластмассовые фонтаны.

Прошли сквозь фойе, где густо накрашенные девушки кокетничали с кавказцами, потом через казино с автоматами по стенкам, потом через зал, где гремела пламенная ламбада и среди танцующей толпы летала фата. Зашли в помещение, обитое малиновым шёлком с душераздирающе жёлтыми кистями.

– Похоже на крематорий, – шепнул Виктор.

В одном углу стояла толпа мужчин в костюмах, в другом – длинный накрытый стол. Толпа мужчин встрепенулась, выстроилась пожимать руки Горяеву, после чего расселась.

Стая официантов в рубашках из того же малинового шёлка, что обивка стен, подпоясанных теми же жёлтыми кистями, как на обивке, понесли компанию осетров в человеческий рост. Осетры были аккуратно обложены звёздами из свёклы – в тон обивке и полумесяцами из кожи лимона – в тон кистям.

– Фильм ужасов на широкую ногу, – шепнул Горяев Вале.

Потекли тосты от ведомств и отдельных чиновников, содержание которых состояло из восхваления Ельцина и Горяева.

– А теперь сюрприз, – объявил мэр.

В двери вошли тщедушный гитарист во фраке с бабочкой и пышная дама в чёрных кружевах, с розой в волосах. Гитарист ударил по струнам, а дама запела низким контральто: «У любви как у пташки крылья, законов всех она сильнее...»

После номера даму представили как заслуженную артистку Клавдию Пурпурную и посадили с другой стороны от Горяева. Она пыталась подвинуть стул поближе и прижаться к Горяеву, жалуясь на бедность местного театра, совмещающего в одном здании оперный, драматический и кукольный.

Но Горяев умел опускать между собой и собеседниками стекло такой толщины, что Пурпурной пришлось объявить «белый танец». Стоило ей выйти танцевать с Горяевым, как мэр объявил:

– У нас не танцуют всухомятку!

И в зале притушили, точнее, почти выключили свет. Это выглядело совершенно неприлично, но люди за столом вели себя так, словно это в порядке вещей. Когда Горяев отодрал от себя горячие ладони Клавдии Пурпурной, зажгли свет, и мэр поднял бокал:

– Дорогой Виктор Миронович, мы знали о том, что вы сильный руководитель и влиятельный политик, но мы не представляли, что вы ещё и любимец женщин...

Тост длился минут десять, и рюмки после него бойко хлопнули об пол, а малиновые с жёлтым официанты запорхали вокруг с вениками, как экзотические бабочки. Гостиница с хамом-администратором показалась Вале после этого раем обетованным.

Когда вернулись в её номер, спросила:

– Тебе всегда артистку подсовывают?

– Когда учительницу, когда проститутку, – он зевнул.

– И ты...?

– Любой ответ не в мою пользу, – усмехнулся Горяев. – Пойми, я для них сразу и Борис Нелакаевич, и Цицерон Степанович. Им кажется, что можно не работать, как в совке, а приедет начальник и нажмёт на денежную кнопку.

– Ельцин правда с моста с букетами падал, когда на свиданье шёл?

– Свечку не держал.

– А как отсюда домой позвонить?

– У тебя ж сотовый.

– С него дорого, – сказала Валя с материнской интонацией, но всё же набрала домашних.

Вика читала книжку. А мать наказала посмотреть, что там в магазинах дешёвого.

– Не девочка, а ангел, – поделилась Валя с Виктором. – Уж не знаю, что и подумать?

– У моего друга сын подсел. Главные наркобазы – престижные вузы. На детей богатых ложатся дилеры, сдруживаются, подсаживают. Мальчик своё спустил, навёл на квартиру, помог угнать отцову тачку. Обследовали, полный список – гепатит В и С, СПИД. Отправили в Америку лечить, он и там нашёл. Умер от передоза.

– Просто никому не был нужен, – объяснила Валя.

– Как никому? Папа, мама!

– У Вики тоже папа, мама. А я как клещ вцепилась – не отдам наркотикам, и всё. Она и бросила, когда увидела, как мне нужна.

– Пойдём в мой номер. Только не пугайся, там местная роскошь.

В его номере была кровать с фиолетовым бархатным балдахином, картины с голыми тётками в золотых рамах, а в кадке возле постели росла небольшая яблоня с крупными яблоками. Валя даже не сразу сообразила, что яблоки аккуратно привязаны.

Утром проснулась от того, что он целовал её щёку:

– Спи. У меня встреча. К обеду буду.

Откуда у него столько сил, удивилась Валя и провалилась в сон. Город за окном был тихий, как в детстве, а воздух хрустально чистый. В Москве она так не спала уже много лет, и накопившаяся усталость взяла своё.

Проснувшись, незаметно пробралась в свой номер, приняла душ и без завтрака отправилась в город, где всё цвело и сияло на солнце вокруг отремонтированной гостиницы, поставленной в козырном месте с видом на речку и лес.

Но стоило шагнуть дальше, как запестрели убогие деревянные домики, облепленные пристройками, неаккуратными верандочками и залатанными сараюшками. Валя добрела до большого – в местном понимании – магазина.

Перед магазином стояла коротко стриженная старуха, одетая, несмотря на жару, в ватник поверх цветастого халата. Перед ней на картонном ящике лежали вышитые наволочки для маленьких подушечек – думок.

В бараке на Каменоломке все украшали думками кровати и сундуки, но самые красивые вышивала, конечно, мать. Бабушка Поля считала думки лечебными, ей приносили готовые наволочки, и она набивала их в зависимости от жалобы больного сухим можжевельником, крапивой, шалфеем, полынью, пижмой, тысячелистником, ромашкой, рубленой хвоей.

Для сна они получались жестковаты, их клали рядом с обычной подушкой. Сама бабушка думок не держала и без того умела себя лечить. На большой металлической кровати лежали только перина, одеяло и росла пирамида огромных подушек.

Всё это было сделано бабушкиными руками из гусяного пуха. Другого спального места в доме не было, разве что печка. Маленькая Валя зарывалась в постель, как в сугроб, к бабушке под бочок, а та тихонько напевала:

Котя, котенька, коток,
Котя – серенький бочок,
Приди, котя, ночевать,
Нашу Ва`люшку качать.
Уж как я тебе, коту,
За работу заплачу —
Дам кусочек пирога
И горшочек молока...

И примостившаяся в ногах кошка Василиса мурчала в тон колыбельной. Всё это встало перед глазами Вали, разглядывающей наволочки на картонном ящике из-под вина. На них были девки в хороводах, ассиметричный Иван-царевич на сером волке, цветочки дурного цвета и уродливые терема. Старуха вышивала беспардонно любительски, и в этом была особая прелесть.

– Сколько стоит? – спросила Валя.

– А ты откуда будешь? – грубо ответила старуха.

– Из Москвы приехала.

– Чего приехала? С бандитом каким погулять?

– С депутатом, – ответила Валя, удивившись, как точно старуха поняла жанр её визита, и, словно оправдываясь, добавила: – У меня мать всю жизнь вышивает.

– Мать вышивает? Тогда айда ко мне, я тебе другие покажу, – сказала старуха, сгребла вышивки, бережно засунула картонный ящик под скамейку и пошла за дом.

Валя двинулась следом. За зданием магазина ютились ещё более замурзанные домишки, чем возле гостиницы, а самый дальний и жалобный оказался старухиным. Прошли дворик, весело усаженный китайской ромашкой и ноготками, старуха толкнула незапертую дверь. Дряхлая собака вышла навстречу и помахала хвостом.

– Спина и летом стынет, – пожаловалась старуха и сняла ватник, под которым оказалась кофта с мощным квадратом наградных планок. – Планки ношу не чтоб без очереди в магазин, а чтоб не терялись. Медали-то закопала под деревом, дочка знает где. Воруют у стариков медали.

В комнате был идеальный порядок, на столе белоснежная скатерть и хрустальная ваза с искусственными гвоздиками. Орала радиоточка доисторического вида, а на комод лежала аккуратная стопка вышитых наволочек.

– Вышивки гляди, я тебе квасу налью, – сказала старуха и ушла в кухню.

Валя стала перебирать стопку вышивок на комод. Там были те же сказки, те же цветы и терема.

– Рисунки сами придумываете? – крикнула Валя в сторону кухоньки.

– В библиотеке на сказки кальку ложу, срисовываю. Домой приду, на тряпочку переведу, – откликнулась старуха.

Валя заглянула в кухоньку и обмерла. Белённая в давние времена покосившаяся стена выглядела как после бомбёжки, облезшие кирпичи напоминали стёртые стариковские зубы. Чтобы не рухнуть, они были подпёрты обструганным деревянным стволем, щели замазаны чем-то бело-розовым, и сквозь них с улицы залез хмель.

– Что это со стеной?

– Мальчонка соседский научил щели жвачкой заклеивать. У меня зубов почти нет. Его позову, жвачки куплю. Он пожуёт и заклеит. Сейчас ничего, а зимой обмерзает, дует сильно, – старуха наливала в кружку квас из трёхлитровой банки.

– Так ведь на голову рухнет! – воскликнула Валя.

– Кому моя голова нужна? – обиженно спросила старуха. – Я в войну медсестрой до Берлина дошла. Старик помер, дочка на северах. Обещали как фронтовичке дать. Хрена лысого дали! Как звать-то?

– Валя.

– Пей, Валя, квас. По старинке делаю. Изюма теперь хорошего не достанешь, кладу яблоко, мёд, листья малины. Я – Зоя Арсентьевна Балабанова. Работала всю жизнь на заводе холодильников. Вишь, как вышиваю, глаза что у сокола. На жизнь не жалею, лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой. Только ниток для вышивки нет. Старые тряпки на цветные нитки распускаю. Пришли из Москвы ниток, я за это что хошь подарю!

– Пришлю. Мать достает мулине на рынке, все цвета пришлю, – пообещала Валя, прихлёбывая из кружки. – Напишите адрес. Квас волшебный!

– Муж-то есть?

– Нет.

– Так в полюбовницах и ходишь?

– А что, видно? – засмеялась Валя.

– Не видно, да слышно! Парня Окошкиных ты с работы уволила? В магазине только про это и говорят. Раньше у него киоск был, потом не поделили, напарника убили, он сухим из воды вышел. Теперь в гостинице приворочивает. Директор гостиницы – кум его матери.

– Свинья он. И дружки у него свиньи, – сказала Валя.

– Рассказывала Надька, что газетами торгует. При ней было. Так ведь в гостинице чистые девки не живут, вот парни и балуют. Мне окошкинского не жалко, кучу девчонок перепортил, а женился на дочке начальника сберкассы, теперь крепко живёт.

– Вы тут одна?

– Дочка наезжает. Я ей насолю, наварю, банок накручу. Как говорится, помирать собирайся, а пшеницу сей. Дочке тяжело, деток двое. Зятю зарплату не платят. Куда ещё старуху с собой ташить?

– Если фронтовикам квартиры обещали, почему вам не дали? – Хотелось хоть чем-то помочь, но предложить массаж было неудобно.

– У начальства кто родители фронтовики, те в красный дом и въехали. По телевизору показывали – кухни что эта горница! Остальные квартиры кавказцам отдали. Они тут давно хозяйничают. И рынок, и рестораны, и магазины – все ихние.

– Спасибо за квас, мне пора.

– Вышивку выбирай не за деньги. Все с нитками обманывают, – объяснила старуха. – А посмотришь на вышивку, стыд заберёт, нитки и пришлешь.

– Можно, я денег оставлю?

– Денег не возьму. Огород кормит. Варенья летом варить – только на сахар тратиться. Девчонки в магазине костей оставляют, на них мяса немножко. Себе да собаке суп наварю, а пенсию дочке посылаю. Куры две в сарайке, яйца свежие. Ты мне лучше ниток пришли!

Когда Валя зашла в фойе гостиницы, к ней услужливо бросился новый администратор:

– Валентина Владимировна! Виктор Миронович просил вас зайти в его номер.

– Рассказывай, где была, – обрадовался ей Горяев, он лежал на кровати, просматривая газеты.

– Погружалась в местную жизнь, – отчиталась Валя и прилегла к нему.

– Какие впечатления?

– Впечатления, что у народа слишком нагло воруют.

– Потому что раньше не надо было воровать, просто брали из общего, как цари, – ответил Горяев, обняв её. – Имей в виду, ласточка моя, нас ждут в трапезной монастыря. Там и покормят.

Перед гостиницей снова стояли три машины. Поехали в сторону местного кремля. Там, среди руин и развалин, нагло красовалась отремонтированная трапезная с неоновой вывеской «Ресторан «Садко». Поднялись по витой каменной лестнице в полутёмный зал со сводчатым потолком.

Длинные ряды столов были уставлены хохломской посудой. Горяева с Валею посадили в центр, вокруг расселись вчерашние чиновники, разбавленные кавказцами.

– Мы, русские люди, собрались за этим столом, чтобы поднять рюмку за нашу страну, наш народ и наш язык. Предлагаю тост за русских! – встал и воскликнул высокий седой мужчина в толстовке, сидевший напротив толстенького мэра и Горяева.

И все, в том числе переговаривающиеся на своём языке кавказцы, ухарски выпили.

– Откуда столько кавказцев? – шепотом спросила Валя.

– Братва, которая город держит, а его как главного попа уважают. Просто он «без формы».

После этого мэр произнёс тост за возрождение России, местный поэт прочитал стихи про освобождение Руси от монголо-татар, местный бензиновый король похвастал, что помог детскому дому. А потом сверху грянул ресторанный ансамбль, и вертлявый мужичонка подошёл к Вале и, играя бровями, запел: «Ах, какая женщина, мне б такую...»

Кормили тоже странно. Блины в хохломских мисках были с грибами. За ними в маленьких глиняных горшочках подали жульен из грибов, а на горячее – мясо с грибами в больших глиняных горшках.

– Это фирменное местечко, – обратился к Вале поп без формы. – Иностранцы от грибов с ума сходят.

– Какие тут иностранцы? – удивилась Валя.

– Китайцы, корейцы. Монастырь женский, грибы-ягоды, соленья-варенья для ресторана заготавливают.

– Как же они в этих разрушенных зданиях живут?

– Постепенно ремонтируем, – погладил окладистую бороду поп «без формы». – Быстро только кошки рождаются.

А вертлявый мужичонка уже пел: «Огней так много золотых на улицах Саратова...», и Валя оценила, насколько тщательно подобран репертуар. Вскоре все набрались, и в зал хлынули невесты откуда взявшиеся девчушки.

Они были вызывающе одеты, вульгарно накрашены, не сговариваясь, закурили и стали неумело кокетничать с собравшимися дядьками. Выглядело это, словно крошки смотрятся в зеркало, напялив мамины туфли на шпильках. Но Вале это не показалось умильным, и она громко спросила мэра:

– Откуда эти девочки?

– Местное модельное агентство «Сударушка», – доверительно объяснил он.

– Им же лет по пятнадцать! – возмутилась Валя.

– Ничего такого, – замахал мэр руками. – Чисто консумация.

– Что такое консумация? – рявкнул она, и Горяев положил ей на колено руку, чтоб успокоилась.

– Только кушают, танцуют... Можно сказать, благотворительность. Охрана гарантирует безопасность. Мы ж в монастыре, солидное место.

Валю затрясло от отвращения и бессилия. Она не верила ни одному слову мэра и представила, как эти зажавшиеся скоты растащат потом девчонок по постелям. И всё, что произошло в этом возрасте с ней, произойдёт с ними.

– А теперь, по русскому обычаю, в баньку? – спросил мэр, заглядывая в глаза Горяеву, когда встали из-за стола. – Там и бассейн, и всякие другие удовольствия...

– Я не любитель бань, – отрезал Горяев.

Когда сажались в машину, Валя еле сдерживала себя. Три автомобиля рванули в сторону гостиницы, и у магазина Валя попросила водителя остановиться.

– Что случилось? – недовольно спросил Горяев.

– Экскурсия! – усмехнулась Валя.

Они вышли из машины, и пассажиры сопровождающих машин покорно последовали за ними.

– Думаю, нам будут рады, – предупредила Валя с неопределённой интонацией и повела компанию к домику, который посетила утром.

В окошке мерцал слабый свет. Залаяла собака.

– Кто там? Собаку спущу! – грозно предупредила из-за двери хозяйка.

– Это Валя. Из Москвы.

Заскрипел ключ, приоткрылась дверь.

– Кого навела? Бандитов? – крикнула хозяйка. – У меня брать нечего.

– Это мэр ваш. А это – Зоя Арсентьевна Балабанова. Участница войны, дошла до Берлина. Имеет кучу медалей. Зоя Арсентьевна, можно к вам на кухню?

– Да там не прибрано, – замаялась старуха.

Компания вошла с каменными лицами в дом, прошла в кухню и вышла оттуда с ещё более каменными лицами. Кухонька была маленькой, и Горяев не пошёл со всеми, а остался в горнице. Дряхлая собака миролюбиво обнюхала его брюки и ботинки, а он потрепал её по загривку.

– Мальцев! – демонстративно заорал толстенький мэр на длинного мужика. – Твой список ветеранский?

– Мой, – длинный Мальцев закашлялся и сжался в области позвоночника, чтоб стать вровень с мэром.

– Чтоб завтра! Нет, не завтра, – мэр посмотрел на часы. – Чтоб сегодня был решён вопрос! Иначе три шкуры сдеру! Уволю по статье!

– Извините, Зоя Арсентьевна, что так поздно, – ухмыльнулась Валя. – мимо ехали.

– Всё равно не сплю, вышиваю, – кивнула старуха на пяльцы.

– Спасибо за сигнал! – торжественно пожал Валину руку мэр.

Старуха подошла к Вале, сказала:

– Нагнись! Дай поцелую-то! Может, и не дадут ироды квартиру, но с таким сердцем, как у тебя, девка, надо бы народу побольше! И про нитки не забудь!

Горяев молчал всю обратную дорогу. В фойе гостиницы Валя задала незначущий вопрос, но он не ответил. Понимала, что перешла границы, но грибной монастырь со школьницами был последней каплей. Готова была сейчас же уехать в Москву. И вообще порвать с Горяевым, раз он участвует во всём этом.

Поздно проснулась, спустилась в фойе. Девушка из газетного киоска радостно поздоровалась, а новый администратор подбежал с фразой:

– Здравствуйте, Валентина Владимировна, вас люди ждут! Не пускал, чтоб не беспокоили!

– Какие ещё люди? – не поняла Валя.

– Из домов возле бабки Зои. Вы ж ей вчера квартиру сделали. Она Ельцину писала, и без толку, а вы волшебное слово сказали!

Валя, недоумевающая, вышла за порог гостиницы, и застоявшаяся толпа женщин с детьми хлынула навстречу:

– Валентина свет Владимировна! Вы ж по нашим-то домам пройдите! Крыша течёт, дети болеют! Ремонтировать не на что! Что бабке Зое жить-то осталось? А тут дети малые кровью харкают! Красные дома построили, очередников отодвинули, черножопых за взятки заселили!

Валя сперва остановилась как вкопанная, а потом попятилась к двери.

– Пойдём, пойдём, посмотришь! Управы на сволочей нет! Сами на золоте едят и пьют! – кричала самая активная, толстая тётка, за цветастый подол которой держались трое малышей.

– Я только помощница депутата, идите на приём к мэру, – развела руками Валя.

– К мэру ходили! Неделями на пороге сидели! Били во все колокола, нет с ворьём сладу! Врут по-печатному! – Они толкали её, брызгали в лицо слюной и грубо тащили за собой.

Валя еле отбилась и спряталась за дверь гостиницы.

– Всё, бабы! Всё! Внутри не пушу! – отогнал толпу новый администратор. – Не орите! Бабка Балабанова воевала, ей положено!

Размолвка с Виктором по сравнению с этой сценой показалась ерундой. Было неприятно, как они орали, толкались и тыкали в лицо детьми. Но она-то знала, что такое перебраться из барака в квартиру, и помнила, как этот вопрос решила её собственная мать.

Позвонила домой, поплакалась Вике и услышала в ответ:

– Релаксайся, чем гнать богадельню. Как говорил твой авторитет?

– Какой авторитет?

– Андроныч твой. Говорил, чтоб менять, что могу, не лазить туда, где полный отстой. И мозг, чтоб фильтровать одно от другого. Андестенд?

Расстроенная Валя просидела в номере до обеда. Позвонил Виктор:

– Жду в ресторане.

Обедали молча. Поднялись наверх, пригласил в свой номер.

– Хоть что-то поняла после встречи с народом?

– Кое-что.

– Это цветочки, а будут и ягодки! Пока я приезжаю со своей женщиной, это по правилам, – поднял он палец вверх. – Когда моя женщина начинает увольнять персонал и раздавать квартиры, она заходит за флажки. И не удивлюсь, если завтра это сольют по телефону жене.

– Не могу всё это видеть... Особенно девочек в трапезной.

– Думаешь, при социализме начальство детей не домогалось? Как я могу запретить таскать девчонок на консумацию, если завтра уеду? Кавалерийскими наскоками жизнь в стране не улучшишь.

– Твоего слова достаточно, чтобы фронтовичка не погибла под обломками стены. Ты ж даже в кухню не зашёл! Только собачку гладил!

– Потому и не зашёл, что это не слово, а должок. Меня поймали на слабости, а отдавать должок придётся лесом, нефтью и газом, которые бы спасли сотни таких старух и таких девчонок. Я с холодным носом приехал дружить в красно-коричневый регион, а ты мешаешь.

– Уеду прямо сейчас.

– Чтобы ещё раз развлечь город? И вообще, нас в кабаке ждут.

– Опять в кабак? – вздохнула Валя.

– Я не врач, а политик. У меня встречи не в поликлиниках, а в кабинетах и кабаках! – вспыхнул он.

– С девочками-подростками?

– Да, они свиньи, воры и педофилы, но других здесь пока нет! И твоя свобода спасать старуху кончается там, где начинается моя свобода спасать регион! И как политик, я обязан взвешивать каждый шаг!

– Прости, – выдавила она из себя.

И снова мчались на трёх машинах, теперь уже за город. Там посреди роскошного леса сияла куполами ухоженная церковь, а рядом на заросшей крупными ромашками поляне красовался деревянный терем. И перед ним в рядок стояли парни и девки в русских костюмах.

Когда приехавшие вышли из машины, парни с девками грянули здравицу. Голоса звенели, щёки алели, глаза блестели, ромашки благоухали, шмели жужжали. Высокая красивая девица в кокошнике подошла к Вале, держа на вытянутых руках каравай. Валя не поняла, что делать, вспомнила бабушкину присказку: не ломай каравай, а ножом режь да ешь. И сказала:

– Спасибо!

– Отломи и попробуй, – шепнул Виктор.

Было жаль портить великолепие каравая, но Валя послушалась. Он оказался невкусным, пекли «для видимости», не так, как пекли в Берёзовой Роще.

– Зоренька, в терем! – дал команду руководящий бас, и артисты побежали в терем с заднего хода.

Приехавшие на трёх машинах зашли с парадного и оказались в большом деревянном зале с резными окошками. По всему пространству стояли деревянные столы и скамейки, а на столах благоухали закуски. Валю посадили между Горяевым и мэром. Снова началась попойка. Вышли встречавшие девушки, завели хоровод.

– Очередное модельное агентство «Сударушка»? – грубо спросила Валя мэра.

– Нет-нет! Народный хор «Зоренька». В Москву на смотр ездили. Вчера неувязочка вышла с модельным агентством, неудачный презент от директора ресторана, – стал оправдываться мэр. – Как говорит Виктор Степаныч, хотели как лучше, а получилось, как всегда! Нравится ресторан?

– Красиво.

– Видите, на тарелках, салфетках и официантках – везде гуси-лебеди. И название у него «Гуси-лебеди».

– А хористы в деревне живут? – поинтересовалась Валя.

– Городские теперь, из деревень сбежали. Их автобусом привезли, тут до города пехота не пройдёт. Одни бабки остались, им раздолье – церковь, лес, грибы, телевизор.

Заиграл баянист, девушки в народных костюмах застучали каблучками. Вперёд вышла красотка в кокошнике, что подносила каравай, и задорно заголосила частушку:

– Хоть завод совсем не платит,
Говорит, и так вам хватит,
Лучше Борьку пьяного,
Чем трезвого Зюганова!

Все засмеялись и захолопали, а Горяев помрачнел. На смену ей выскочила маленькая грудастая и запела:

– Посадил в кадучку пальму,
Скоро будут финики.
Клинтон шастает по бабам,
Ельцин – в поликлиники.

Все, кроме Горяева, снова заржали и захолопали. Мэр хотел было прекратить концерт, но не успел, выбежала третья – черноглазая толстушка – и пробасила:

– Говорят, что Ельцин умер,
Я тому не верю,
Выстрел сделаю контрольный сама проверю...

Теперь уже никто не захолопал, а Горяев поднялся из-за стола. Видя это, девушки в костюмах вопросительно уставились на мэра.

– Извините, Виктор Миронович! – взмолился мэр, глядя снизу вверх. – Сами понимаете, гласность!

И махнул девушкам в костюмах:

– Пошли отсюда!

Девушки неуклюже попятнулись из зала, а сверху, чтобы загладить неловкость, грянул вокально-инструментальный ансамбль. Он стоял на дополнительной эстраде под потолком, и было страшно, что музыканты свалятся оттуда прямо на накрытые столы.

Ансамбль грянул так громко, что диалога мэра и Горяева не было слышно, хотя каждому в зале он был понятен до последней запятой. Наконец Горяев согласился снова сесть за стол, а две солистки запели сверху: «Ехали на тройке с бубенцами, а вдали мелькали огоньки...» Мэр лепил очередные тосты про союз честных людей доброй воли, а с соседних столов скандировали:

– Пей до дна, пей до дна, пей до дна!

Потом заикающийся дяденька со шрамами на лице и толстой золотой цепью на шее преподнёс Горяеву метровую бутылку местной водки. Вышел второй такой же и преподнёс Вале тёплую легкую шаль, изделие местных умелиц. Потом пили за здоровье Бориса Николаевича и мир между народами. Мэр пошёл плясать с вернувшимися девушками в русских костюмах, а Горяев склонился к Вале:

– Видишь, как на тебя смотрят девчонки? Ты – эталон для подражания: крутишь с начальником и власти у тебя немерено. Махнешь рукавом – квартиры посыплются.

– Не могу ж я объяснить, как на самом деле.

– Такой мелочи объяснить не можешь, а хочешь, чтоб я приехал, всем объяснил про правильную жизнь, а мне бы спели про контрольный выстрел в Ельцина?

– Но всё это надо менять.

– А я, по-твоему, на что жизнь трачу? На то, что пытаюсь быть частью решения, а не частью проблемы. У тебя уйдёт время, чтобы это понять, сейчас ты просто должна верить.

– Я б верила, если б не кабак каждый день.

– Штирлиц тоже ходил в немецкой форме, – пошутил он. – Все реформаторы Штирлицы, потому что играют на чужом поле. Но ты при этом третий день смотришь на городскую элиту. Хоть один алмаз обнаружила? У них же на лбу написано – работа, ты меня не бойся, я тебя не трону.

Потом гостиница, чемоданы и поезд. И снова купе, в котором Виктора не надо было ни с кем делить. Его глаза в темноте, его одеколон, его дыханье.

– В политике одна смерть – это трагедия, сто смертей – это статистика. Политики не кровожадны, просто у них другая зрительная аккомодация, – объяснял Горяев. – Хирург же не может умирать с каждым пациентом, его дело драться с болезнью, словно больного вовсе нет в комнате.

– И ничего не притупляется?

– Тебе видней, что у меня притупилось.

– Я в розовых очках не вижу, всё расплывается от счастья. А у тебя молоденькие девчонки были?

– Старый мужик слишком зависит от такта девчонки. Не может уже как молодой, и тело уже не то, – он пощекотал у неё за ухом, как у кошки. – А главное, от того, что все молоденькие куплены, как себя ни обманывай.

– Почему все ходят с молоденькими?

– Чем мужик уверенней, тем меньше надо ему вертеть перед другими купленными игрушками.

– А ты разве уверенный? С собой взял, потому что Свена испугался? Чтоб я увидела, как перед тобой пресмыкаются?

– Свен разбит, как швед под Полтавой. А взял, ласточка моя, чтоб побыли вместе. Увидели друг друга с новых сторон, начали учиться считаться с новыми сторонами друг друга. И ещё хотел показать, какие передо мной авгиевы конюшни.

Слава встречал на вокзале.

– В Думу, потом Валю отвезёшь, – скомандовал Горяев.

– Когда увидимся? – спросила она.

– Врать не буду. Деньки впереди горячие.

– Прикипела за три дня.

– Думаешь, я не прикипел?

Зазвонил его сотовый, он заорал:

– Горяев! Естественно, в курсе! Что значит не ваш комитет? Да у них там настоящая армия! Только сытая, обученная и вооружённая с иголки. Пока будете под правозащитниками ноги раздвигать, они до Москвы дойдут! Ты сам-то в Чечню ездил? Так съезди, а то одних баб-депутаток посылаешь! А ты, между прочим, генерал в погонах, а не диссидент в грантах!

– Что случилось? – Валя не слышала, чтоб он так орал.

– Что-что?! Генералы, как надо воевать, залезают в карман к правозащитникам и голову оттуда не высовывают.

– Правозащитников не любишь? – повторила она с интонацией Юлии Измайловны.

– Третий из них стукачи, треть – западные побирюшки, треть – психбольные.

– Видела тебя на похоронах Сахарова, подойти побоялась...

– Глупая! Тогда у меня было в сто раз больше времени и сил на отношения! Сахаров один был на всю страну. Сперва как учёный состоялся, а уже потом как правозащитник. А у большинства правозащитность как бизнес. Понимаю, когда юрист идёт в правозащитники, а эти, что на митингах орут, в детдом бы пошли полы помыть! Но на это западные гранты не дают!

Влюблённая Валя вернулась домой в том беспричинно улыбающемся состоянии, в котором так хочется всех простить и расцеловать, и в котором особенно понятно, насколько неправильно организована жизнь человечества. Потому что если один счастливый человек может генерировать такие тёплые энергетические волны, то что будет, если влюбится хотя бы каждый десятый?

– Про квартиру-то спрашивала, ночная кукушка? – брякнула мать с порога.

– Ещё раз такое услышу, вообще разговаривать с тобой не буду, – пригрозила Валя.

– Не фейс, а чистый хохотальник! Горяич тебе башню снёс, – прокомментировала Вика с одобрением. – Завтра начнётся лесенка.

– Какая лесенка?

– Лесенка – это постепенное снижение ширяева в крови.

«Лесенка» и вправду началась. Хотелось проснуться от прикосновения его руки, слышать его голос, сидеть возле него, мчаться на машине по чужому зелёному городу. Казалось, поездка была сном. Или кинофильмом, который, выйдя из зала, прокручиваешь перед глазами кусками. Но главное, что она привезла себя оттуда новой.

С одной стороны, никогда никуда не ездила с любимым и не представляла, как выглядит ежедневное, а не почасовое счастье. Ведь их встречи до этого можно было сосчитать по пальцам. Да и городок напоминал её малую родину, в Москве она словно открестилась от себя той, битой, провинциальной, раздавленной и незащитной, а поездка взболтала мозги и душу.

Виктор выглядел в глубинке всемогущим, но ни капельки не понимал и не чувствовал этих людей. Они были для него как спасаемые зверюшки в зоопарке. А Валя знала, как они работают, готовят, стирают, рожают, растят детей, занимаются сексом.

Конечно, Горяеву видней, как спасти страну, но она обязана растолковывать ему про этих людей всё. И значит, не имеет права отлынивать от телевидения, где можно прокричать о них, ведь в кадре в основном сидят дуры с прооперированными лицами, которым, судя по рассказам Кати, плевать на всё, кроме денег.

– Имею пригласить Валью с Вика в праздник середина лета Мидсомар. В посольство Швеция, – сказал по телефону Свен. – Приехать новый посол.

– В посольство стесняюсь.

– В посольство очень добрый люди.

– Там едят восемью вилками, опозорюсь, – призналась Валя.

– Это есть фуршет, как у прошлый посол Юхан и Кайса. Там кушать сельдь «матье» с картошка, укроп, сметан и красный лук. Ещё ребро свинья и лосось. И молодой клубника. Так надо для праздник Мидсомар.

Вика обрадовалась, что можно вывести в свет новое платье, потому что недавно купила фасон с очень смелыми разрезами, хотя прежде называла девушек в таких платьях «гнилыми кисками». А Валя оделась попроще.

Машина Свена помчалась по Мосфильмовской мимо посольств и затормозила у тёмно-коричневого кирпичного здания с тремя золотыми коронами. Здание выглядело снаружи тяжёлым и мрачным, но внутри оказалось по-домашнему, и мероприятие напоминало уютный детский праздник. Взрослые ходили с рюмками и тарелками, а малышня носилась у них под ногами.

Помещение было необычное: зал расходился рукавами в отдельные гостиные, где можно посидеть в креслах и поболтать. Но все спешили на солнышко в сад, где тоже стояли накрытые столы. Валя с Викой боялись чопорности и протокольности, а здесь все делали, что хотели.

Новый посол выглядел немного строгим, но его жена в национальном шведском костюме шутила и всю хохотала. Свен знакомил Валью с гостями, болтал с ними по-шведски пять минут и уходил к следующим.

– Как блохи скачут, – заметила Валя, – три фразы, и побежал.

– В кино так всегда на крутых приёмах, – пояснила Вика. – Если тормоз на ком виснет, уже, считай, имбецил.

Она чувствовала себя как рыба в воде и болтала с русскоговорящими с тонкой улыбкой великосветской особы.

– А если поговорить нормально? – спросила Валя.

– Ну, ты, блин, Маугли! Надо побазарить, съешь ему визитку. Пора визитки печатать – чашу со змеюкой золотом и белыми буквами «Целительница Валентина». А? – придумала Вика. – А мне – «Виктория Сизова – ассистентка фокусницы»!

Подошёл Свен:

– В это праздник есть самая светлая ночь в году. Раньше имели зажигать большой огонь, в лесу был Наскен – молодой колдун из вода. Он играл на скрипка, бросал люди в река! В Мидсомар всегда гадать, кто есть жених. Взять семь цветы, и в сон придёт жених! Пора поехать для ужин.

– Выгоняют? – уточнила Валя.

– Это есть приём. Приём нельзя делать долго.

– Зачем ты нас сюда привёл? – спросила Валя.

– У меня нет семья в Москва, – развёл он руками, словно говорил «у меня нет книги, кассеты, сумки». – Я буду водить Валью в посольство.

Шведы в посольстве показались Вале приятными, сдержанными и очень вежливыми. Но после поездки с Виктором она почувствовала себя настолько вырвавшейся из лап одиночества, что даже Вика была теперь ей нужна не как объект милосердия, а как маленькая подружка. Внимание Свена тем более казалось общественной нагрузкой, и было неприятно презентовать в качестве «его семьи».

– Свен, ты же не хочешь, чтоб я жила с тобой и любила Виктора?

– Станешь моя семья, сделаешь любовь ко мне, – уверенно ответил он. – Я имею быть лучше русского.

– Чем?

– Я швед, – объяснил он. – Ельцин сделал война в Чечне. Русские никогда не выиграть война с Кавказ. Чечня взять независимость, русские бежать в эмиграция. Русские уже покупать недвижимость на Запад.

– Это ворьё покупает на Западе недвижимость, чтоб спрятать деньги. А боевиков финансируют арабы, но это им всё равно не поможет, – возмутилась в ответ Валя.

– Горяев есть политик, он так положил в твоя голова. В Чечня стрелять в дети, женщин, бабушка.

– Свен, а твои газеты не пишут, сколько русских уничтожено в Чечне с 1991 года? Или ты таких газет не читаешь?

– Чё ты споришь? – встряла Вика. – У него ж западоцентричная черепушка.

Однако Юлия Измайловна излагала по телефону почти как Свен:

– Это геноцид чеченского народа. Если Горяев не выступит против, на него автоматически ляжет ответственность!

А тут ещё в кабинет, как обычно, без записи и простыни, вломилась Катя и, лёжа на кушетке, пожаловалась:

– Наняли кино о Солонике делать, придётся бандитов интервьюировать.
– Это который из «Матросской тишины» сбежал?
– Ага. Суперкиллер.
– Катя, зачем делать фильм об убийце?
– Каналу – рейтинги, народу – щекотка.
– Кому-то интересно про убийцу?
– Да им давно ничего другого не интересно, как волкам, попробовавшим крови, – заметила Катя. – Кстати, Рудольф от тебя в отпаде после передачи про роды.

– Кто такой Рудольф?
– Не кто такой, а кто такая. Рудольф – это конь с крыльями и с яйцами. Канал делает всё, что захочет её левая нога.
– Зачем мне её левая нога?
– Глянутья Рудольф – это как четыре козырных туза разом. И тебя, и девку твою к телику пристрою!

По поводу Вики звучало заманчиво, но Валя усомнилась и поменяла тему:
– Лучше объясни про войну в Чечне.
– Чё объяснять? У меня от Чечни уже уши опухли. Они там младенцам дарят калаша. А если в первом акте на стене висит ружьё, что оно делает в последнем акте?
– Не знаю, – растерялась Валя.
– Чехова в школе не проходила?
– Про ружьё не проходила, – покраснела Валя.
– Завидую иногда тебе, блаженной... – задумчиво сказала Катя, а потом голос её окаменел. – Но всё равно выведу тебя в люди!

И Вале стало ужасно смешно, куда и кого может вывести в люди эта несчастная, насквозь больная, умотанная Катя, которой бы хоть себя куда вывести.

Когда Валя с Викой вернулись домой, соседка смотрела вместе с матерью в большой комнате долгожданный концерт Пугачёвой. Валя недолюбливала эту соседку, похожую на вынюхивающую крысу. Та вытягивала из хвастливой матери подробности жизни семьи и разносила по всему двору.

А уж когда Валу показали по телевизору и перед подъездом остановилась горяевская машина с мигалкой, носила сплетни по всему району. Но выгнать соседку было неудобно, пришлось подсесть к телевизору. Соседка была материной тёзкой, Вика просунулась между ними и закричала:

– Желание загадала между двух Галок! Чисто конкретно сбудется!
– Чего загадала-то? – поинтересовалась мать. – Спасибо Богу, всё у нас есть! Тьфу, тьфу, тьфу!

Зазвонил домашний телефон, мать бросилась к нему и отчиталась перед соседкой:
– Свеня звонит, швед наш!
– Валья, хочу иметь срочный встреча с Горяев! – попросил Свен таким голосом, словно его выкрали и пытаются. – Это есть срочный дело!
– Что-то случилось?
– Есть проблема с один указ. Про переработка сырья.
– Рыбы, что ли?
– Это не есть рыба. Это есть важно.
– Хорошо, поговорю. – Валя с неудовольствием брякнула трубку, помня, что вышло из протезирования Горбушкиной.

– Богатый, непьющий, с лица – икона! – запричитала мать, обращаясь к соседке. – Можно кобылу привести на водопой, а пить не заставишь!
– Бабуль, тормози, – перебила Вика. – Это частное пространство.

– Я ж его видела, глазок против вашей двери. Ладный такой, прям артист американский, – закивала соседка. – Валь, а вот Ленка с пятого этажа пошла за немца и прям расцвела на немецкой еде.

– Мне дома хорошо, – Валью дико бесила соседка.

– А в квартире, куда убираться хожу, дочка в Америке учится, в ихней семье живёт. Там ещё трое детей американских, пишет, они её ненавидят. Она уроки делает, а они телевизор смотрят да на роликах катаются. А чё Вику в Америку не послать? – начала соседка учить жизни.

– Мне Соня с Южкой предлагали в Чухонке, а Свен предлагал в Швеции учиться, – гордо ответила Вика. – Не продам родину за чечевичную похлёбку!

– Пацана из первой квартиры в армию взяли, – добавила соседка. – В Чечню. Убьют как пить дать. Один у матери.

Валя знала этого рыженького вихрастого паренька, как-то в подъезде прижал Вику, и та ответила ему таким арктическим матом, что он чуть не скатился с лестницы.

Зазвонил сотовый, высветился номер Виктора, и Валя с проворством дикой кошки выбежала в материну комнату.

– Какие новости, ласточка моя? – спросил Виктор.

– Скучаю! А ещё новость, что в Чечне не война, а контртеррористическая операция, – откликнулась она с обидой в голосе.

– И восстановление конституционного порядка. Но это выше уровня моей компетенции.

– Свен просит встречи с тобой. Про переработку сырья.

– Жучара твой швед, информацию по нему дали, – усмехнулся Горяев. – Рыбное оборудование для отмазки, а основное откусывает на чёрной металлургии. Под шумок вывозит за две копейки наши сырьевые запасы.

– Это плохо? – напряглась она.

– Смотря для кого. В бизнесе не бывает такой простой оценки. Вижу тебя во сне.

– А наяву?

– Наяву помню, что времени до выборов в Думу шиш да маленько.

– Моя бабушка говорила «шиш да маленько». Я тебя обожаю!

В комнату вернулась танцующей походкой, соседка вопросительно вспорхнула глазами на мать, а та прокомментировала:

– «Сам» звонил. Что говорит, доча?

– Говорит, что тоже смотрит концерт Пугачёвой, – отшутилась Валя.

После звонка даже соседка перестала казаться такой противной. Валя просто отгородилась от неё, уставившись на экран, где Алла Пугачёва в некрасиво коротком платье убедительно пела: «Счастье – что оно? Та же птица,пустишь и не поймаешь...»

А через неделю зазвонил городской телефон. Усталая Валя только пришла с работы.

– Привет! – сказал знакомый хриловатый голос. – Не узнала? Марк.

– А... как жизнь? – спросила Валя, чтобы не виснуть в паузе.

– Укорачивается, – ответил он в своей манере. – Увидимся, Валюсик?

– Зачем?

– Посмотреть в глаза друг другу. Заеду заберу? Через час у подъезда.

Устала после работы, да и зачем теперь встречаться? Но, видимо, у Марка было важное дело.

– Страдает лавер, что соскочил. Хвост ему прижми, чтоб по другим чувихам ногами не ходил, – напутствовала Вика.

Марк заехал в жёлтой, видимо, дорогой иномарке. Изменившийся, спокойный, ухоженный. В модном шёлковом коричневом костюме, какие заменили некоторым новым русским спортивные прикиды «Адидас».

– Ресторан приличный знаешь? – спросил он, явно тестируя.

– Только дорогие, – проговорила она.

– Так и я больше не лох педальный, – подмигнул Марк. – Раз в неделю жру свинину с корнем лотоса!

Однако тормознул у столиков первого попавшегося уличного кафе. Сел напротив, впился в неё глазами.

– Что-нибудь не так? – Валя поправила волосы.

– Помнишь, как познакомились?

– Конечно. Во время первого путча. На баррикадах.

– А как ты мне блины пекла? – оттаял Марк. – Нормальная баба была, податливая. А сейчас к тебе, Валюсик, без штуки баксов в лопатнике не подойди.

– И не подходи, – ответила она, вздрогнув на слово «податливая».

– Здесь все столы заказаны, – подошёл к ним официант.

– Раз заказаны, значит, раком встанешь и на своей спине накроешь, – хрипло ответил Марк в бандюковской манере. – Тащи меню, ветошь!

Официант понял, что лучше не связываться, и расторопно принёс меню.

– Хату в центре купил. Я теперь москвѧч. На иномарке, с бабками, – похвастал Марк.

– Молодец.

– Всё равно за шведа не пойдёшь, а Горяев не разведётся! – объявил он, наслаждаясь произведённым эффектом.

Валя застыла от неожиданности:

– В органах, что ли, теперь работаешь?

– Ага. В женских половых органах.

Недалеко от столика встал худой очкастый мальчик лет десяти, достал из рюкзака флейту и затянул заунывное «Сурок всегда со мною...».

– Говори, откуда знаешь, или я пошла! – она встала.

– Валюсик, не горячись! – схватил он её за руку и заканючил: – Не могу людей закладывать.

– Тогда с этими людьми и ужинай, – Валя выдернула руку и пошла, расстроено подумав, что опять подставила Виктора.

Марк бросился за ней:

– Ладно, скажу. Только никаких санкций! Соседка твоя за баблосик сливает.

– Докажи, что соседка! – Всё ещё боялась, что это как-то связано с Горяевым.

– Пугачёву у вас смотрела. Тебе сперва швед звонил, потом Горяев. И ты из комнаты вышла.

– Зачем это тебе? – удивилась Валя, вернувшись за столик.

– Другая стала. Крутая. Следил, ждал, когда в ямку упадёшь, а тут я, красивый, богатый, на руки подхватчу.

– Чтоб объяснить, что ты меня осчастливил? – усмехнулась Валя.

Марк неожиданно вскочил и бросился к мальчику с флейтой:

– Ты с кем тут?

Мальчик затрясся от страха и тихо сказал:

– Я сам...

– Будешь врать, денег не дам! – пригрозил Марк.

Мальчик шмыгнул носом и показал пальцем:

– Вон папа стоит.

Марк поманил очкастого мужика, вылитого увеличенного в размерах мальчика, только без застиранных шортиков и сбитых коленок. Тот подошёл и смущённо сказал:

– Законом не запрещено. Где хочет, там и играет.

Марк покачал головой:

– Запрещено делать детей, если не можешь прокормить. Вот тебе деньги, чмо, и вали отсюда. Он мне всю душу своим «сурком» вынул!

Мужчина втянул голову в плечи, а мальчик деловито взял у Марка деньги со словами:

– Спасибо, дяденька! Папу с работы уволили, мама в больнице, а у нас ещё две маленькие в семье и старый дедушка...

И увёл отца за руку.

Марк вернулся за столик. У Вали на глаза навернулись слёзы. Помолчали.

– Пойми, Валюсик, люди меняются. Попрыгал, поискал, понюхал. Готов развестись. Жениться готов, а не просто потрахаться. Любовь не картошка, не выбросишь в окошко, – сказал он серьёзно. – Говорила, есть мужик, ради которого всё. Что он министр. Это Горяев был?

– Горяев.

– А я тебе совсем по барабану?

– Мне все, кроме него, по барабану. И швед тоже. Хоть все думают, что про запас держу.

Валя рассматривала Марка, такого обаятельного, жилистого, нахрапистого, но ни капельки больше не нужного и неинтересного. Как странно, что прежде столько о нём думала.

Он прочитал это в её взгляде:

– Пойми, жил тогда начерно: типа, деньги сделаю, жить начну. А теперь вырос. Как говорят, поднялся!

– Я тоже выросла. Не заметил? – напомнила Валя.

– Заметил. В твой кабинет, Валюсик, такие бабки вложу, что с каждого столба рекламой заулыбаешься. – Он оглянулся, словно только заметил, где они сидят. – Чего мы к этой рыгаловке прилипли? Поехали, с артистами познакомя. Ресторан есть на Пресне, играем там у грузина в «Двенадцать стульев».

– Как это играет?

– В один из двенадцати стульев зашиваем монетку. Братва кидает по штуке баксов, чтоб купить по стулу и распотрошить. Один из двенадцати находит монетку, получает всё, что на кону, и проставляется! – рассказал он наигранно весело, прекрасно понимая, что Валя туда не поедет. – И я там был, мёд-пиво пил...

– Почему именно сегодня позвонил?

– Да вот крутую аптечную фирму наладил. Пить начал, бани, шлюхи, казино. Сел у телика, а там— бац, Валюсик моя! Занервничал, тут соседка твоя звонит, докладывает: шведу – не даёт, депутат – не берёт. Нервы и сдали. Хочешь, рванём на тёплое море?

– Не хочу.

– А скажи, почему врач от тебя слинял, а девчонку свою на тебя повесил?

– И Мишу сама выгнала, и Вику сама забрала.

– Своих не родила, а чужую тянешь? – усомнился Марк.

– Когда-то меня так же Соня к себе взяла, потом Юлия Измайловна. Теперь они моя семья. Как и Вика. Твоя семья, кстати, как?

– Дети в порядке. Но, как поднялся, ежовая маруха стала шёлковой. В цене вырос!

– Кто????

– Да супруга моя! Вот тебя по телику показывают, вокруг теперь одни тузы. Валюсик, а для чего ты живёшь? – вдруг спросил он.

– Чтоб сделать мир лучше, – без запинки ответила она и удивилась сложности ответа.

– А зачем тебе это?

– Нравится.

– Не разглядел я тебя, думал, придуряешься, а ты всерьёз притворяешься. Есть такие, которые не живут, а будто всю жизнь кино про себя снимают. Перед смертью понимают, что зрителю-то это по хрену, а сами уже ни с чем остались.

– Как это ни с чем?

– Ни мужа, ни детей, ни денег... Про шведа понятно, у него не стоит.

– Соседка сама проверила? – засмеялась Валя.

– Нет другого объяснения, что за него не идёшь.

– Марк, ты как моя мать. Для неё Свен – принц заморский, а для меня несчастный, одинокий м... с деньгами. Вроде тебя, только культурный. У тебя предел мечтаний жёлтая иномарка, а у него – коллекция музыкальных шкатулок.

– Разговаривать-то как научилась! Язычок-то отрос, жало-то отточилось! – присвистнул он.

– И раньше умела, да стеснялась. Если б по телику не увидел, так же б за мной шпионил? Как ты у жены от денег в глазах вырос, так и я после шведа и Горяева слаще стала? – сама не ожидала, что выскажет ему всё.

– А чё ты митингуешь, если я тебе никак? – насторожился он. – Чего ты так пламенно революционеришь?

– Да я в твоём лице говорю это всем мужикам, которые вели себя как свиньи! Думала, что во мне не так? А после Свена и Виктора знаю, что это в прежних мужиках всё было не так!

– Да в тебе всё, кроме кожи и рожи, не так! Особенно теперь, когда от депутатских денег окосела на оба глаза!

Домой вернулась опустошённая. В сумке валялась визитка Марка с тремя телефонами: офис, домашний, сотовый. Прежде ни одного не давал, жены боялся, а кому теперь нужны эти три? Бросила его визитку в коробку для визиток, вспомнила бабушкино слово «постылый».

– Чтoб соседки больше у нас духу не было, – объявила Валя матери. – Увижу – с лестницы спущу.

– Хорошая женщина, доча, в церковь ходит, – возразила та.

– За деньги Марку о моей личной жизни доносила!

– Галька? Так ведь пенсия у ней крошечная, дети не помогают, убираться к чужим людям ходит, – стала оправдываться мать. – Чё о тебе такого можно сказать?

– За такое, бабуль, сажают голой жопой на горящую конфорку, – разъярила Вика.

– Так ведь нам, старухам, одна радость – молодым кости перемыть.

– Ма, неужели не понимаешь, о чём речь? – Валя попыталась до неё достучаться.

– Вот те крест, не понимаю! Кстати, нитки «мулине» второй раз отправила бабке твоей Балабановой на вышивки. Хотела хороших конфет туда положить, не нашла. Делать их, что ли, перестали? Везде сплошные эти «баунти, райское наслаждение». Так баунтей ей ложу, пусть побалуется.

Вика тетёшкалась с Эдиком, как с придурковатым младшим братом: проверяла, ходит ли на курсы, таскала с собой на дискотеку. Маргарита на это захлебывалась желчью, не понимая, что сама приучила парня к единственной форме контакта – беспрекословному подчинению. Валя даже подумала, что у ребят отношения, но Вика молчала, и было неудобно спрашивать.

Не то чтоб Вика отдалилась, скорее отдалилась Валя. Прежде всё время была рядом с Викой, ловила каждый её чих как локатор, а теперь настроилась на волну Горяева. Даже подумала, если б на момент встречи с Викой у неё был Горяев, не смогла б вытащить девочку из наркоты. Не хватило бы концентрации.

В августе Вика подседа на модное увлечение шейпинг и зачитывала страницы книги о нём, как прежде зачитывала тексты «Аум Синрикё»:

– Не ждите, что, выполняя определённые упражнения, избавитесь от лишнего веса на определённом изолированном месте. Любая программа шейпинга включает в себя не только комплекс упражнений, но и диету. Врубаетесь?

– Нет, – отмахивалась Валя.

– Главные ошибки делаются в режиме жарчки. Каждый день считаю калории. Ноги у меня клёвые, а бэксайд буду шлифовать, пока не стану стройной, как пальма!

Валю калории не волновали, как всех людей её профессии, есть хотелось всё время. Нагрузки на работе не уменьшались, но она научилась их оптимизировать. Например, ставила больному на ноги пиявки, а сама пока делала рейки в верхней половине тела. После процедуры заставляла его сидеть с заклеенными ранками от пиявок хотя бы час, а Маргариту – поить его чаем.

Или прокалывала при бронхите и пневмонии кожу иглой и ставила на эти места банки, как учила бабушка. Банка иногда наполнялась кровью, больной пугался, но эффект был потрясающий. Или, планируя сорокаминутный массаж спины, мазала суставы рук и ног глиной, которую они заготовили с Викой.

От бабушки Поля знала, что глине подвластны и артриты, и артрозы, и остеохондрозы, и подагра, и ушибы, и растяжения, и зарастающие переломы, и гематомы, и циститы, и гинекологические проблемы.

Белая глина помогает при угревой сыпи, очищает кожу, укрепляет волосы. Голубая снимает воспаления кожи, очищает, отбеливает и убирает морщины. Зелёная бодрит, лечит сердце и сосуды. Жёлтая – противовоспалительная и обезболивающая. Красной боятся анемия, малокровие и аллергии.

Бабушка Поля мазала ей в детстве глину на нос от насморка и гайморита, на щеку от зубной боли, вокруг уха при отите, давала полоскать горло разведённой глиной при ангине. А себе от бессонницы клала на лоб тряпочку со смесью глины с простоквашей.

Валя даже придумала, что можно расписать человека по диагнозам разноцветными узорами из глины и показывать этот боди-арт в качестве шпаргалки для самолечения. Также можно разрисовать части тела травами и даже камнями, полезные свойства которых она записала на мастер-классе Гаянэ по литотерапии.

Но от конвейерной работы появилось ощущение, что больные идут те же самые. Вылечила его, а он снова пришёл, хотя реально это были разные люди. Вспоминала слова Льва Андроновича о «профессиональном выгорании», не понимая, что нужен отдых или хотя бы переключение от этой тяжёлой работы.

Как-то вообще чуть не сорвалась на крик. Мамаша привела мальчишечку, целиком обсыпанного аллергией и пьющего от этого гормоны. Отнимала бы у таких детей! Безграмотный врач прописал гормоны, и мать как зомби стала бомбить ими ребёнка, не уточнив, не подумав, не почитав, не посоветовавшись.

Ещё и верещала, когда Валя стала мазать ребёнка глиной. Хотя, конечно, потом были обычные охапка цветов, слёзы благодарности и фарфоровая рожица мальчишечки. Но Валю напугала собственная невыдержанность. Она ведь считала «Центр «Валентина»» чем-то вроде «угольного фильтра», каким Вике чистили кровь.

Потому что война клубилась не только в Чечне, но и за московским окном. И в кабинете Валя восстанавливала «раненых» на этой войне, а их становилось всё больше и больше. Как-то в перерыве между пациентами Вика стала громко зачитывать криминальную колонку новостей:

– Отравлен известный московский банкир Иван Кивелиди. Марат Шарыгин, владелец сети ресторанов, и его восьмилетняя дочь взорваны бомбой, подложенной под капот автомобиля. Тело Феликса Львова, бизнесмена и консультанта в алюминиевом секторе, увезенного из зала ВИП а/п «Шереметьево» неизвестными, найдено на шоссе Москва – Рига...

– Прекрати читать этот ужас! – остановила Валя.

– Твой Горяич в Думе, а не мой, ему и говори, чтоб прекратил, – огрызнулась Вика.

И когда Слава заехал за Вале́й, чтобы отвезти в пафосный дом на Бульварном кольце, она, чтоб не забыть, твердила про себя диковинную фамилию «Кивелиди». Квартира оказалась огромная, забитая книгами и антиквариатом, Валя насчитала семь комнат.

– Слышал фамилию Кивелиди? – спросила она Горяева с ходу.

– Теперь её вся страна слышала. Светлый парень был Ваня, что за мразь ему в телефонную трубку отравы насыпала? Хочешь убить, убей как мужик. А тут и секретарша, и врач в придачу погибли... Вон Шеварднадзе хотели взорвать, так по-честному автомобиль взрывчаткой напичкали.

– Жуткие вещи говоришь! – вздрогнула Валя.

– Жуткие. И потому хочу забыть о них хотя бы с тобой. Давай, ласточка моя, найдём в этой квартире самые красивые простыни и выберем самую красивую комнату.

Прежде они встречались в казённых учреждениях, а здесь Вале́ было неудобно открывать чужие шкафы, копаться в чужом постельном белье, стелить на диван возле мраморного камина не принадлежащие ей простыни. Казалось, залезает в чужую жизнь, чтоб откусить кусочек счастья для своей.

– Хозяйева за границей, домработница придёт цветы поливать, сунет простыни в стиралку.

– Каждый день по восемь простыней для больных застилаю на стол, и только сегодня для себя...

Потом, когда сели в огромной кухне выпить чаю, Горяев протянул обитую красным бархатом коробку.

– Что это?

– Жемчуг.

– Настоящий? – удивилась Валя.

– Королевский. Сказали, камень Валентины – жемчуг, а цветок – незабудка!

– Он дорогой. Не возьму.

– Тогда верни Свену бриллиант, – засмеялся Горяев.

– Спасибо, конечно, но куда мне такой жемчуг носить? Бываю в кабинете да у Свена на вечеринках, – она достала бусы и стала перебирать крупные светящиеся жемчужины. – Обещал объяснить про Чечню.

– Помнишь, когда Чеченский национальный съезд принял декларацию об образовании Чеченской Республики?

– Нет, – Валя опустила глаза, как двоечница.

– Ласточка моя, тогда сначала читаем букварь, – он отхлебнул из чашки. – Хороший у него чай! Из Китая возит.

– Мне это только теперь стало важно! Хочешь, в тетрадку за тобой запишу?

– В июле 1991-го они объявили, что больше не входят в СССР и РСФСР. Почему про тетрадку сказала? – пошутил он. – На шведа шпионишь? На его посольских дружков?

– В посольстве такие симпатичные люди.

– Все шпионы симпатичные люди. Работа у них такая. Путч августовский помнишь?

– Мы с Юлией Измайловной были на баррикадах.

– Молодцы! После путча Дудаев стал президентом и запел про «превратить Москву в зону бедствия». В Москве и без них бардак, союзное имущество делят. Муж с женой разводятся, вилки делят, а тут махины расстаются. Дудаев под шумок захватывает оружие, военные городки, имущество вооружённых сил. Мы идём на переговоры – он как баран.

– Захватывает оружие? – удивилась Валя.

– На центральной площади Грозного бессрочный митинг оппозиции, Дудаев всех разгоняет, вводит комендантский час. Расстреливает Центризбирком, митинг оппозиции, мэрию и управление внутренних дел, – он старался говорить спокойно, но это плохо давалось. – Убивает

в Урус-Мартановском районе двести оппозиционеров! Своих, не русских! Проводит Общенациональный съезд, где объявляет всеобщую мобилизацию и джихад России! Продолжать?

- А правозащитники объясняют наоборот.
- Потому что западные гранты дают под наоборот.
- Так кто виноват во всём этом?
- Всё население поимённо. И я, и ты.
- Я? – возмутилась Валя.

– А чем ты, ласточка моя, лучше других? Ты всё от тебя зависящее сделала, чтоб этого не случилось? Нет. И я тоже. Родина – это все мы!

Валя не поняла, как к этому относиться. Она никак не соотносила войну в Чечне со своей жизнью, считая себя мелкой сошкой, муравьём, волокущим в муравейник слишком крохотную соломинку, чтобы отвечать за что-то, кроме семьи и работы.

А что она может ещё? Ехать лечить раненых? Создать большой целительский центр? Для этого нужны деньги, связи, организаторский талант, а на ней мать и Вика. Конечно, она выросла из нынешнего амплуа, стала видеть мир иначе, но всё равно не знает, куда дальше? Все вокруг чему-то учатся, что-то организуют, ей бы надо затеять что-то новое...

- В ломбард надо ложить. Убьют за них! – напугалась мать жемчужных бус.
- А за Свенов бриллиант?
- Так он малюсенький.

А Вика долго наматывала жемчуг на шею, гладила руками, красовалась перед зеркалом:

- Мне лавер когда-нибудь такую байду купит?
- Я тоже долго ждала, – напомнила Валя.

– В книге про камни читала, перламутр переводится как мать жемчуга, обволакивает и защищает туфту, что попала в раковину, – вспомнила Вика. – И ещё, жемчуг привлекает бабки! Ща на нас такие бабки повалятся!

А на следующий день позвонил Свен, почти крича про встречу с Горяевым. Потому что в рыбколхозе, с которым он заключил контракт, председатель продал больше десяти кораблей самому себе, возглавил после этого акционерное общество и показал Свену большой кукиш.

- Думала, не умешь кричать, – удивилась Валя.
- Но это есть деньги, Валья! Деньги! – продолжал кричать Свен.

И было странно, что у человека так много денег, а потеря небольшой суммы настолько выводит его из равновесия.

В конце августа позвонила Катя:

- Рудольф тебя вызывает. И, что бы ни предложила, не выкаблучивайся. На всё соглашайся. Завтра в два жду тебя в Останкине на центральном подъезде.
- С условием, что Вику пристроите, – напомнила Валя.

И вообще, кто это может её «вызывать»? Даже вспомнила слова Виктора, что главный результат произошедшего в стране не большие деньги, дорогие магазины и заседания парламента по телевизору, а люди, работающие на себя и свободные от государства. Ведь над ней больше не было начальников, а заработок зависел только от собственных усилий.

Надела строгое тёмное платье, положила в сумку жемчуг, чтоб надеть для солидности на лестнице центрального подъезда Останкино. Катя повезла её на лифте на верхний этаж в кабинет, ласкающий взор дизайнерски оформленными стенами, модной мебелью и дорогими кожаными креслами.

Словно он находился вне обшарпанных стен, ободранных полов, вонючих туалетов и грязных лестниц телецентра, а висел в воздухе. Валя рассчитывала увидеть там ещё более мужеподобную и запустившую себя Катю, но Рудольф оказалась ухоженной, коротко стриженной невысокой шумной дамой килограммов под сто.

– Я – Ада! – боевито начала она, протянув руку в большом количестве серебряных перстней. – Планирую светлую передачу из дерьма и свиста. Концепции пока нет, но спонсоров тьма. Вы – Оля?

– Валя, – поправила Валя, любуясь дамой, напоминающей по темпераменту Сою.

На столе стояла коробка диковинных шоколадных конфет, которые Рудольф тут же придвинула гостье и замотала головой:

– Валя – не годится! «Валя-Валентина, что с тобой теперь, белая палата, крашенная дверь...» Как бы Валентина Терешкова... Совково, провинциально. Лучше Вэлла. А, Катя?

– Под Вэллу нужна иностранная фамилия, – возразила Катя.

– А что с фамилией? Девчонки, жрите конфеты, таких конфет нигде не достанете!

– С фамилией всё путём. Помнишь, был такой фактурный Лебедев? В сказках играл богатырей, – напомнила Катя.

– Мой бывший муж, – пояснила Валя.

– О?! Тогда оставляем Валу, – кивнула Рудольф.

– В каком смысле?

– В прямом! А то приходит какая-нибудь пергидроль с оптовки: не дочка, не внучка, не Жучка, не мисс Россия. Никто, короче, – стала объяснять Рудольф. – И всё надо делать с нуля: имя, лицо, биографию. А тут как бы на всё готовенькое. Давай на «ты», что у нас с Лебедевым?

– Сто лет о нём не слышала, – пожалала плечами Валя. – Зачем он вам?

– Он мне нужен как коту пижама. Мне нужна ты. Дети общие? Когда развелась?

– Детей нет, штамп так и стоит, – растерянно ответила Валя, не понимая, чего от неё хотят.

– Так нам ничегошеньки, кроме штампа, и не нужно! – радостно воскликнула Рудольф, сняла телефонную трубку и скомандовала: – Сашенька, быстро распечатай всё про артиста Кирилла Лебедева!

– Даже не знаю, жив ли, – добавила Валя.

– Сейчас узнаешь! Лучше бы, конечно, жив, – мечтательно сказала Рудольф, засунув в рот шоколадную конфету. – Тогда пошлём журналиста о тебе расспросить.

– Представляю, что он наговорит, – усмехнулась Валя.

– Нам, как бы, чем хуже, тем лучше! Проплатим разворот в «Комсомолке» – «Лебедев горюет, что расстался со своей Лебёдушкой». Биографию расскажи.

– Вы меня в новую партию, что ли, принимаете? – пошутила Валя, помня, что Катя велела соглашаться на любое предложение Рудольф. – Медучилище, работа массажисткой, университет целительства, свой маленький центр.

– Ну, ты просто конфетка с шоколадкой! – снова всплеснула руками Рудольф. – Денег сперва тонкая котлета, как реклама набухнет – толстая котлета.

– При чём тут котлета?

– Будешь вести белую, пушистую, как бы душевную передачу, – пояснила Рудольф.

– Я? Передачу? – От испуга Валя замахала руками. – Я не умею, и у меня больные! Не знаю, что вам тут Катя про меня наговорила!

– Есть, Лебёдушка, анекдот про Рабиновича из провинциального ТЮЗа. Звонит ему Спилберг, говорит, утвердил тебя на главную роль, гонорар миллион долларов, съёмки с 30 декабря по 30 января. А Рабинович: «Не могу, у меня ёлки!» – с безупречным артистизмом рассказала Рудольф. – Больных засунешь себе, как бы, в одно место.

– Да я не смогу! Буду там как дура! Всех опозорю! – снова запротестовала Валя, обернувшись к Кате за поддержкой.

– Хотела ж дочку на телик пристроить? – напомнила Катя.

– Это мне важно, – закивала Валя.

– Возьмёшь к себе дочку помощницей, пиарщицей, директоршей, короче, кем захочешь. Про остальное потом, только начинаю на эту тему крутиться, как корова на льду, – вздохнула Рудольф, достала пузатую бутылку коньяка и три рюмки. – Пьёшь?

– Нет.

– В нашем деле, если не пить, не выживешь. В четверг приходи на мозговой штурм, – и, хитро прищурившись, спросила: – Жемчуг Горяев подарил?

– Какая разница? – Валя укоризненно посмотрела на Катю.

– Чего скрывать? – усмехнулась Рудольф. – На телевидении все спят под одним одеялом. Уж я в камешках понимаю, вижу, он на тебе не экономит! Может, на передачу денег подкинет?

– Это даже не обсуждается! – Валя строго посмотрела Аде в глаза. – И вообще, я говорила на тех передачах, что знаю, а для ведущей нужны образование, кругозор. И я ничего не понимаю в телевидении!

– Мне и надо простую как мир. Честную и необстрелянную. Я вот всё про телевидение, как бы, понимаю, а передачу вести не могу. Не потому, что жирная, а потому, что слишком всё понимаю, – хохотнула Рудольф и опрокинула в себя рюмку коньяка. – А из тебя выращу жемчужину крупней, чем у тебя на шее!

Валя не понимала, что ответить, и поменяла тему:

– Если всё про телевидение понимаете, объясните про Чечню. Где правда, где неправда?

– В новостях, Лебедушка, всё правда и всё неправда. И зависит от заказчика.

– От какого заказчика?

– Разные башни Кремля заказывают разное.

– Как это?

– Например, заказчик просит, чтоб белое стало чёрным, кручу тройной повтор абсолютной ахинеи, и к третьему разу ты в неё веришь...

– Я ж не дура, чтоб верить, – обиделась Валя.

– Сниму, как чеченец режет русского на кусочки, под текст: «На протяжении всей своей истории Россия осуществляла имперскую экспансию, политическая система менялась много раз, но каждый раз приносила Кавказу разрушения и кровь...» И ты уже не увидишь, кто кого режет. В тебе, как бы, останется только «русские – суки!».

– Ну, я ж не слепая, – возразила Валя.

– Моя профессия сделает тебя слепой. Тут ослаблю, там усилию, подержу камеру на трупе 30 секунд, у тебя крыша съедет. О чём-то упомяну сухо – оно мимо проскочит, где надо, сделаю индивидуализацию. Если скажу: в городе 30 убитых, тебе по хрену, – она снова налила и выпила коньяку и, казалось, завелась ещё больше. – А сниму конкретного плачущего Мусу: «Сегодня ночью федералы расстреляли моего сына Ису и мою жену Фариду!» Добавлю, что Муса учитель, и ты вдвойне поверишь, даже если за километр видно, что он бомж, нанятый за деньги. А солдат, наоборот, деперсонализую, покажу сапоги, автоматы, затылки, строй, а не сопливых Ваньку, Федьку и Толика, посланных на смерть...

– Чего ты девке мозги пудришь? – перебила Катя.

– Нам с ней работать. Хочет знать, пусть знает. Смотри, я чеченского солдата, как бы, героизирую: «Вот его дом, вот его сад, вот могила его деда...» А русского дегероизирую – голодный, злой, испуганный, обкуренный, в школе плохо учился. И он будет выглядеть придурком, а чеченский десятилетний мальчишка с автоматом скажет в камеру: «Я защищаю свою землю, свою маму, свою сестру!» Порепетирую с ним и сниму с седьмого дубля. Плюс зелёные «повязки смертников» и «клятвы на Коране»... – распалилась Рудольф.

– Но это же обман! – ужаснулась Валя.

– Факты не скрываю, просто варю в своей подливке. Захочу, локализирую конфликт, и будешь думать, это хрен знает где... Захочу, глобализую, и ты услышишь чечена, как бы крадущегося к твоей двери! Знаешь, что такое «недофакт»? Это когда скажу: в таком-то селе тело

ребёнка обнаружили в реке, и намекну, что это не обошлось без участия российских солдат. Или сверхфакт, раздую чих минут на десять. А когда чих уже совсем ни о чём, раздую историю чиха в других странах!

– Но для чего всё это? – так и не поняла Валя.

– Информация, новости, комментарии – продукт, который надо сбыть подороже. И одно дело – сбыть на экране цифры погибших, другое дело – показать разбросанные обгоревшие трупы, которые клюют вороны и грызут собаки. Во втором случае у тебя устойчивый образ бессмысленных потерь, и ты, как бы, ищешь виноватого, – размахивала Ада новой наполненной стопкой, – а тут я тебе его показываю: «Вот он, сучара, в это время пьёт и жрёт на приёмах!» И ты у меня никогда из штампа не вылезешь!

– Привыкла студентам лекции читать, – прокомментировала Катя.

– Вы этому кошмару учите студентов? – не поверила своим ушам Валя.

– Не «вы», а «ты». Лекций сейчас не читаю, некогда. Но семинар по пиару иногда веду, – кивнула Рудольф.

– А что такое пиар? – уточнила Валя.

– Если точный перевод, это – нае....., – развела руками Рудольф.

– Так что в Чечне на самом деле?

– Откуда я знаю?

– А откуда знаете, как это делается в новостях?

– Так я ж и делаю. Ты, когда больного лечишь, тебе ж не важно, плохой он или хороший – он больной. Так и я. Есть сюжет, сверху дают тональность камертоном, и пою, как вокалюга, – вздохнула она. – Устала от этого, потому и хочу делать с тобой передачу, как бы с человеческим лицом.

В комнату вошёл красивый седой мужчина.

– Гляди, какую кралю Катя нарыла, – сказала ему Рудольф.

– Иван Корабельский, – представился мужчина. – Режиссёр. Это на «Светлый город»?

– «Светлый город» – рыба. То есть рабочее название, – пояснила Вале Катя.

Постучавшись, вошла девушка с пачкой листов в руках:

– Ада Густавовна, по Лебедеву информация. Последний фильм два года назад. Эпизод. В секции союза кинематографистов сказали, пьёт сильно. Для заработка ведёт свадьбы. Киноматериалы скачаем завтра.

– Последний эпизод скачайте, и все фотки по Лебедеву мне на стол, – распорядилась Рудольф.

– Зачем? – спросила Валя.

– Прессу заказывать. У тебя фотки с ним есть?

– Только свадебная.

– Неси в четверг. Всё, мне пора полоскать брюхо в бассейне!

Катя провожала Валу до выхода из Останкина:

– Она на тебя запала по полной программе, раз столько времени пальцы гнула! Рудольф баба хорошая, только к её мужикам не лезь. Ванька – её бывший любовник.

– Циничная, – заметила Валя. – Но мощная, ураганная.

– Ой, девка, ты циничных не видела. Мы с Адкой – институт благородных девиц. И помни, у Рудольф одна ахиллесова пята – мужики. Не лезь ей под ноги.

– А сколько ей?

– Полтинник.

– Никогда б не дала.

– Так у неё на одних массажистов в месяц растворяется штука баксов. Кстати, она физфак МГУ закончила.

Валя вышла из Останкина, сняла бусы, положила в сумку и побрела к троллейбусу. Здание телевидения по-прежнему казалось ей тяжёлым и угрюмым, но кабинет Ады его чуточку подсветил.

Оказалось, в тяжёлом угрюмом здании работают лёгкие, яркие, циничные люди. И разговаривают между собой шутивно, ритмично и весело, словно играют в настольный теннис. Напрасно они позвали её в передачу, она – зануда и не выучится их словесной эквилибристике.

Вернулась в кабинет сама не своя, обдумывая предложение этой странной Ады, закончившей физфак МГУ, чтоб дурить народ телевидением. И в первую очередь обдумывать саму Аду с её гипнотическим талантом, умением завораживать словами и такой энергетикой, что казалось, вокруг неё гудит воздух.

– Мы с Эдиком пораньше на курсы свалим. Ес? – отчиталась Вика.

– Хорошо. Какая-то ты не такая?

– У Ритки шиза гуляет, наезжает на меня, думает, мне его балтометр нужен, – пожаловалась Вика. – Тусую с ним как волонтерка, пристраиваю кабана к половой жизни.

Позже зашёл Тёма. Он реже, но всё же навещал Маргариту, обменивая пакеты гостинцев на её страстные ласки.

– Ларёшника гоняли, плечо ушиб. Полечи, – попросил он Валя.

Сел на кушетку, снял китель, благо больной, записанный на это время, не пришёл.

– Ритка достала, куда девчонка Эдика таскает? – начал Тёма.

– Господи, да хоть в кусты. Это ему всё равно полезней, чем сидеть, как Илья Муромец. Наркоты нет, секты нет, Юлия Измайловна ему компьютерные курсы нашла. Чего шпионить? – объяснила Валя.

– Ритка ноет, снится ей, что Эдик в опасности. А ей всегда снится, когда с уродом что-то происходит.

– Ты – мент, ты и расследуй!

– Я ваще теперь не знаю, кто я? Раньше мы под солнцевскими ходили, теперь в газетах, что Михась назначен правительством Коста-Рики почётным консулом в Москве! А? – поднял он бровь. – Стало быть, под Костой-Рикой теперь хожу?

– Шутишь?

– Спроси своего, что это значит, а то вместе влипнем.

Тёма уже заканчивал свой юридический и мылился в элитный отряд милиции то ли по налогам, то ли по организованной преступности. Короче, в «маски-шоу».

– Это же опасно, – заметила Валя.

– Тут, что ли, за копейки не опасно? Сколько братанов перехоронил! Знаешь песенку: «Ёжик резиновый шёл и насвистывал дырочкой в правом боку...»? Ты вся в белом халате, между шведом и депутатом, а я каждый день между говном и кровью, – напомнил он. – Вчера мужика брали в «белочке», ножом троих соседей пырнул, а нам лови его сачком. Да ещё и не стреляй, потому что народу собралось, как в Большом театре!

– Позвали на телевидении передачу вести, – осторожно поделилась Валя. – Ты первый, кому говорю.

– Молоток Горяев, ничего для своей бабы не жалеет! – присвистнул Тёма.

– Он будет против. У него выборы в декабре, – напомнила Валя.

– Звездой станешь, на улице поздороваешься?

– Думаешь, как человек становится известным, сразу превращается в дрянь?

– Знаешь, Валёк, у певца Дегунина год назад тачку угнали, а мне нравится песня про старый забор, где девушка прощается с парнем, – обиженно начал Тёма. – Дело наш Федюшин просрал. А я по братве нашёл машину, пригнали ему, поставили. Хотел автограф взять, так он мне даже дверь не открыл. А когда в отделение бегал, как дым стелился! Билеты на концерт в первый ряд таскал!

Вечером Валя строго посмотрела Вике в глаза:

– Где вы были с Эдиком? Только честно.

– Если совсем честно, в кафешке. На курсах облом, аудитории закрыты, тараканов морят или что-то в этом роде, – подняла Вика лукавые глазки. – Центнер учится с чувихами знакомиться, а я типа тренер. Ходим туда-сюда, он клеится, его посылают, я ему по-любому про ошибки говорю. Тупой как сибирский валенок, смотри Ритке не болтани!

В комнату зашла мать:

– Тесто на пирожки с яблоками и корицей поставила.

– Бабуль, я калории считаю, – возразила Вика. – Закрыла шлюзы и рихтую бэксайт.

– Не жрёт она ничего, доча! Ноги до головы подымает, как по телевизору! – пожаловалась мать. – Раньше-то дитя водою сбрызгивали, говорили: «С гуся вода, с лебедя вода, а с тебя, мое дитятко, вся худоба!»

И ушла на кухню с расстроенным лицом.

– Обидка на тебя крупная, – процедила Вика сквозь зубы. – Мусорскому слила про телик, мне – нет! Он Ритке, Ритка – Эдику, Эдик – мне. Ботаню, как распоследняя, а мне ни слова.

– Ну, ты прямо как мать! Секунды ж не было, а главное, будешь со мной в передаче работать, – стала оправдываться Валя. – Не знаю даже, что чувствую. Чувствую, что влипла. Не получится у меня, опозорюсь.

Вика прыгнула, повисла у Вали на шее и завопила:

– Самое крутое «здравствуйте»! С вами самая крутая ведущая самого крутого канала – Валентина Лебедева! Круче неё только страусиные яйца, чёрные дыры и белые карлики!

Выбежала мать:

– Чего орёшь к ночи? Соседи щас стучать по батарее начнут!

– Бабулька, у нас дома живая телезвезда!

– Передачу вести предлагают, – покраснев, призналась Валя.

– Спасибо, Господи! Намолила я! – Мать прижала ладони к щекам. – Лиха беда начало! Попа надо звать, квартиру чистить! Глазливых набежит да завистливых! Тебе ж теперь машину дадут с шофером! И с квартирой не тяни!

– Машина тут при чём?

– Нельзя таким на метро ездить – проходу не дадут.

Валя удивилась, как же сама об этом не подумала? И вообще не подумала, как изменится жизнь, если получится с передачей. Она ведь ничуть не похожа на всех этих телевизионных людей, не собирается становиться похожей. Да и вообще согласилась ради Вики.

Ночь не спала и с утра напросилась через пейджер на встречу со Львом Андроновичем. Он пригласил пообедать в ресторан Дома литераторов. Валя отменила больных, плутала по центру, с трудом нашла Большую Никитскую, которая ещё в прошлом году была улицей Герцена.

Подходила с трепетом, помнила ресторан Дома кино, набитый живыми артистами. С писателями у неё было сложнее, Юлия Измайловна заставила перечитать все толстые журналы, но авторы в голове перепутались.

Валю пропустили в помпезное сталинское здание из светлого кирпича, велели пройти через фойе, где стояли огромные чучела туров, крокодилов, висели шкуры других убитых животных. Ресторан назывался «Записки охотника», но стены были расписаны и размалеваны, как стенгазета.

Села в почти пустом зале за столик, заказанный на фамилию Лебедевой, попросила чаю и обалдела. В другом конце зала сидел самый настоящий Андрей Вознесенский, которого Юлия Измайловна показывала на экране телевизора, читая его странные стихи.

А с ним – приятная немолодая блондинка со строгим лицом и очень прямой спиной. Блондинка громко отчитывала Вознесенского, а он оправдывался и нежно гладил её по руке.

– Это правда Вознесенский? – тихо спросила Валя длинноволосого седого мужчину за соседним столиком, сидящего в обществе стопки и графинчика с водкой.

– Продали! Всё продали! Всю Рассею жидам продали! Он с Зойкой под Березовским ходит, премию «Триумф» корешам раздаёт! – погрозил седой кулаком в сторону столика поэта и блондинки. – Видела в фойе чучела? Бандит купил ЦДЛ, свои трофеи расставил! Теперь это не Дом писателей, а Дом охотников! Скоро наши чучела рядом выставит! А в этом здании, между прочим, наверху диван, где Фадеев застрелился... На диване его засохшая кровь!

– Пронькин, не заткнёшься, охрану позову, – вполголоса пообещал официант.

– Всё-всё, умолк. Я ж шёпотом, – испугался длинноволосый, подмигнул Вале и налил себе водки.

Пока Валя думала, как ненавязчиво подойти к столику и попросить у Андрея Вознесенского автограф для Юлии Измайловны, подсел Лев Андронович. Теперь он выглядел как дорого подстриженный клерк в сером костюме и дымчатых очках вполлица.

– У вас всё наладилось? – обрадовалась Валя.

– Более-менее.

– Значит, университет работает?

– Перегорел я к нему. Ушёл в бизнес.

– Мне продолжать лечить ваших больных? – спросила Валя.

– Давно не делаю вам рекламы, заработало сарафанное радио. Ле́чите так, что они вас другим рекомендуют!

– Когда вернуть деньги, что вы дали в начале?

– Никогда. Каждый улучшает карму как умеет. Замуж за шведа вышли?

– Нет, влюбилась в русского, – призналась Валя.

– Видел вас по телевизору.

– Это пациентка вместо денег рассчитывается передачами. Думала, сторю со стыда, оказалось, что так говоришь, что в камеру. Теперь вести передачу зовут, как быть, не знаю! – И со страхом ждала его ответа.

– Немедленно соглашаться. В вас то, что нельзя имитировать, а стране это сейчас необходимо, как чистый воздух.

– Лев Андронович, вот объясните. Человека всё время били, унижали, а потом вдруг сверху посыпалось, – торопясь, начала Валя. – Я сейчас как калач в меду, тысячи баб позавидуют. И шелохнуться боюсь, кажется, рукавом заденешь, и всё вдребезги.

– Не бойтесь, ничего не рассыплется, – ответил он мягко. – А на передачу соглашайтесь. В период всеобщей растерянности людям важно видеть на экране хорошие лица, а вы светлая, натуральная.

– Как говорил один режиссёр – экологически чистый продукт, – усмехнулась Валя. – Пенёк тоже экологически чистый продукт! Но как не выглядеть пеньком?

– Уайльд говорил, будь собой, остальные роли уже заняты.

Валя не знала, кто такой Уайльд, но помнила, бабушка тоже говорила – будешь кому подражать, потом себя с другими попутаешь.

– Смотрел утром вашу астрологическую карту – небесный диспетчер распахивает широчайшие двери, – пообещал Лев Андронович без капли иронии. – Не пренебрегайте его щедростью.

– Не представляете, как у меня всё изменилось! Роман с депутатом! Не скажу фамилию! – горячо зашептала Валя. – Раньше не знала, что такое любить. А теперь так, что не знаю, как словами сказать.

– Никто не знает, как сказать любовь словами.

– С ним как рыба в воде, не думала, что так бывает. Но телевидение, это уж слишком. Да я и не тщеславная, мать у меня тщеславная, чуть не в баню со значком ударницы коммунисти-

ческого труда ходила. А я – в бабушку. Женщина за автографом подошла, так чуть со стыда под землю не провалилась. Не гожусь передачи вести.

– Время такое, что люди быстро всему учатся, – с нажимом сказал Лев Андронович. – Страну надо спасать, экономику поднимать, объяснять с экрана, что безнравственность нерентабельна. А у вас получится.

– Как вы сказали про безнравственность?

– Чем больше приличных людей в стране, тем лучше развивается экономика. Ведь деньги для нормального человека не главное.

– Это правда, – откликнулась она. – Но ему... который депутат, не понравится, что я веду передачу.

– А мне какое дело, что ему понравится? Вы моя ученица, а не он. Я за вас, а не за него отвечаю перед небесным диспетчером, – напомнил Лев Андронович голосом классного руководителя.

Горяев, как назло, не звонил, и на «мозговой штурм» Валя пошла без его благословения. Хотела посоветоваться с Соней и Юлией Измайловной или хоть узнать, что такое «мозговой штурм», но решила признаться им во всём после второй встречи с Рудольфом. Чтобы не сплести.

«Мозговой штурм» проходил у метро «Аэропорт». Вход в лифт стерегли консьержка и охранник. Дверь квартиры отворила немолодая горничная в накрахмаленном белом фартуке, напомнившим парадную школьную форму, которую Валя люто ненавидела.

Шерстяные рукава протирались на локтях, и приходилось носить нарукавники. Весной в уныло-коричневом платье было жарко, а в старших классах оно сдавливало набухавшую грудь. А ещё нужно было ежедневно отпарывать, стирать, гладить и снова пришивать белый воротничок и манжеты. Воротнички и манжеты у девочек были разные, но из одинаково ворованной на фабрике ткани.

Горничная повела анфиладой комнат с фальшивыми гипсовыми арками, хитросплетёнными лепнинами, оригинальными люстрами, мраморными полами и даже колоннами. И по дороге Валя насчитала кучу дверей.

Вошли в огромную гостиную, одна стена которой состояла из аквариумов и бросала блики на бежевые кожаные диваны, экзотические маски и африканские барабаны. На бежевых диванах и креслах полулежали странноватые люди, они орали и курили, как приговоренные, перед стеклянными столиками, заставленными бутылками и закусками.

Один из «мозговых штурмовиков» с отсутствующими передними зубами выглядел бомжарой, но курил сигару. Другой, в дорогом костюме, казался отёчным и синим от пьянства и курил трубку. Третий, в ярко-оранжевом пиджаке, ярко-голубых брюках и с выбритой половиной головы нервно перебирал чётки и смотрелся как реклама здорового, но странного образа жизни.

Четвёртый, в сереге и бирюзовых бусах под цвет затуманенных наркотиками глаз, говорил шёпотом, словно имел проблемы с трахеей. Ещё были ошипанная девица в шортах, Катя и Корабельский. Ада, сидевшая в центре этого сборища в необъятном фиолетовом сарафане, кивнула на кресло напротив себя:

– Садись, Лебёдушка, ешь, пей, пока мы тебя разглядываем.

– Кило десять стесать по-любому! – тут же объявил оранжевый пиджак, пристально глядя на Валю.

– Может, ещё и меня подхудить? – раздражённо спросила Ада.

– Тебя нет, ты – совершенство.

– Никаких похудить, лепим из неё не б...., а родину-мать, – заткнула его Ада.

Потом Валя почти ничего не понимала. Они перебивали друг друга, матерились, вскакивали, бегали, плеща на ковёр коньяком, садились прямо на мраморный пол, прижимались к аквариумам, тушили об них окурки.

– Что ты делаешь? Ты сперва пойми, что ты делаешь? Она ж совсем никакая! В любом вагоне метро таких десятков! Возьми раскрученную тёлку, слижи под неё американское шоу. Его хоть на людях проверили, а не на кроликах. Сделай на эту бабу передачу про жратву, она аутентичней в переднике! Три камеры и кран обязательно. Дорого? А сейчас без крана уже не снимают. Нет, лучше давай молодёжку с техно. Смотри, железная студия. Она на железном кубике. Бульдоги на ногах, комбинезон в заклёпках, лапидарные реплики, и всё время курит. И с волосами что-то надо сделать. Ну, если не брить наголо, то полсантиметра оставить. Куда ей бульдоги? Глаза разуй, старая баба! И потом, «Светлый город», это туда-сюда, церкви, детские приюты. Тут ваще надо косу с бантом, петухов по подолу и балалайку в руки. А лучше не экономь, делай стеклянный пол, а под него запусти голых девок. И на неё что-то стеклянное напяль. И чтоб флейта всё время звучала. Народ от чернухи устал, хотя без чернухи ни один спонсор не даст ни копейки. Как это ты всё светлое соберёшь в «Светлый город»? Светлые трусы и светлые помыслы? Где под это взять светлого зрителя? Пусть три сюжета и гость в студии. А чё она будет остальное время делать? Молитву читать или Кристину Орбакайте по кругу гонять? Кристина тебе не светлая? За ней такие бабки, что ярче солнца! Нет, лучше светлый вечер – дачный вариант, белые кресла. Они пьют чай. Крупно дорогой фарфор – фарфор денег даст. Цветы, здоровье, романсы – мультиоргазм пенсионера. А если она, наоборот, будет на качелях качаться всю передачу? Круто ж будет в кадре! Эврика, у моего дружбана ангар надувных женщин. Купил для секс-шопа, думал, заработает, а спроса нет. Хошь, мы тебе их по дешёвке. Такого ни у кого не было, представь, она с косой, полуголая, и студия забита надувными бабами... Какая из неё ведущая? Это ж чистое натуральное хозяйство, в ней же ни грамма излома!

– Какой-то цирк уродов, – сказала Валя, выманив Рудольф в угол гостиной через час этих диалогов. – Я пойду, у меня больные!

Было унижительно, что её обсуждают, как продаваемую вещь.

– У меня будто здоровые, – кивнула Ада на участников мозгового штурма.

Вышли в коридор, обшитый красным кожзаменителем.

– Кто это? – спросила Валя.

– Крутейшие телесценаристы страны. А девка, мыша зашморканная, всех круче. На лету зубами ловит, ей просто надо от чего-то зарядиться, – объяснила Рудольф. – Позову тебя, как перварю всю эту шелуху.

– А Катя?

– Катя, считай моя рука и нога, она сценарий тащит. А эти – концептуальные, они больших денег стоят.

Валя ехала домой на метро, вспоминала, как школьницей шила кофточки под теледикторш из ворованной на фабрике матерью ткани, как читала перед зеркалом программу передач по газете и видела себя телеведущей. Честной, сильной, правдивой, готовой защищать слабых. И это ну никак не совпадало с мозговым штурмом крутейших концептуальных сценаристов.

Вечером позвонила Юлия Измайловна:

– Ещё не разочаровались в «герое нашего времени»?

– Нет, – ответила Валя сдержанно.

– Слышали о главнокомандующем сухопутных войск Эдуарде Воробьёве? Он думал целую ночь и утром написал Грачёву рапорт, что совесть не позволяет вводить войска в Чечню. С него сняли погоны!

– Виктор не занимается войной, – запротестовала Валя.

Юлия Измайловна теперь каждый раз вскрывала её личную жизнь, как консервную банку:

– Но он ни разу не выступил против! Хотите, свожу вас к солдатским матерям? Сутки посидите в их офисе, узнаете, почём фунт лиха!

– Мне предложили передачу вести на телевидении, – робко не то сказала, не то спросила Валя.

– Вам????? – ответила Юлия Измайловна и добавила после паузы: – Горяев очень щедр.

– Он не в курсе, ему это мешает на выборах, – вспыхнула Валя. – Продюсерша увидела меня у Горбушкиной.

– Не верю, что на телевидение можно попасть за данные. И порадуюсь, если жизнь лучше, чем я о ней думала.

– Юлия Измайловна, эта продюсерша, между прочим, закончила физфак МГУ, – словно оправдалась Валя.

– Тогда зачем ей эта грязь?

Валя хотела сказать в ответ, что Рудольф, как и многие другие, хочет заниматься живым делом, а не ныть, что физикам платят копейки. Но от желания взбунтоваться стало стыдно, ведь это Юлия Измайловна открыла ей глаза на мир и заставила работать мозгами.

– Ей нравится работа на телевидении, – мягко ответила Валя.

– Но вы не представляете, какие деньги там крутятся!

– Была в её квартире, теперь догадываюсь.

– Допускаю, что моя мизантропия неуместна, но давайте посмотрим, что из этого выйдет.

Горяев так и не нашёл в августе времени на Свена, и тот постоянно жаловался Вале. Чтобы в очередной раз пожаловаться, повёз Валу ужинать в огромный ресторан «Яр» на Ленинградке.

– Мне предложили вести телепередачу, – похвастала Валя.

– Это есть не хорошо. Это есть артистка. Моя бабушка говорила, работать артистка – плохой тон, – насупил Свен. – Тебя будут иметь для реклама зубная паста и лекарства для работа живот.

– Насильно не заставят.

– Папарацци бежать за Валью... Ты заболеешь болезнь звезда!

– Свен, почему все мужчины хотят, чтоб я застыла, как муха в янтаре, и больше не росла? – спросила Валя.

– Для шведа уважать женщина, как дышать воздух. Все шведы есть феминист, – возразил он. – Но Валью не надо двигаться. Валью уже есть.

– Твоя жена занимается наукой, – вспомнила Валя. – Она имеет право расти, а я уже есть?

– Мой жена пришла из ад. Она не имеет никакой граница. Телевидение бросит Валью в грязь.

– У меня грязь к подолу не липнет, – отшутилась Валя бабушкиной поговоркой.

– Горяев тоже не нравится Валью в телевидение?

– У Горяева нет времени не только на тебя, но и на меня. Он про это пока не знает.

– Горяев не любит Свен, Горяев не любит и Валью, – провокационно заметил Свен.

Возразить было нечего, и потому страшно взбесило.

Взбесило настолько, что на следующий день набрала номер Горяева и сказала:

– Раз тебе некогда со мной поговорить, заberi сотовый. С остальными обойдусь обычным.

– Хорошо, приезжай выпить кофе, – ответил он обречённо. – Слава через час тебя заберёт.

Слава снова привёз Валу в Госдуму, довёл до кабинета. И теперь секретарша при Валином появлении вскочила и льстиво поздоровалась. А Горяев устало скомандовал:

- Пошли в столовку, у меня не будет сегодня другого времени поесть.
- В лифте поцеловал, зарылся носом в её волосы:
- Соскучился...
- Долго же ты по мне соскучиваешься, – упрекнула Валя.
- После ужинов со Свенном было странно, что в думской столовой не подходит официант, а депутаты вперемешку с сотрудниками стоят с подносами к кассе.
- Как челнок по стране летаю – туда-обратно.
- Взял бы с собой, – попросила она.
- Однажды взял, до сих пор эхо, – укорил он.
- А у меня новости.
- Швед тащит к Мендельсону? – поднял он бровь.
- Хуже! Предложили передачу вести.
- Это здорово, – обрадовался Горяев. – Ты органичная, а там одни мартышки с натянутыми рожками, вроде Горбушкиной.
- Знаюсь, найду там себе кого, – пококетничала Валя.
- В Останкине не найдёшь. Всё, что в кадре, – туши свет, сливай воду. Операторы, конечно, на мужиков похожи, но либо тупые, либо пьяные. Будешь как в камере хранения.
- Про Рудольф слышал?
- Кто ж про неё не слышал?
- А как ты относишься к генералу, который не ввёл войска в Чечню? – испытующе глянула Валя.
- Хорошо отношусь, ласточка моя. Война в одноходовку не вписывается. Воробьёв молодец – армия в жутком виде. Но делать вид, что война не шла все эти годы, уже нельзя. Поняла?
- Нет, – честно ответила Валя.
- Хочешь научиться понимать, смотри политические новости, записывай в тетрадку, что неясно, потом спрашивай у меня.
- А у кого спросят остальные? – возмутилась Валя.
- Новости теперь делаются не для народа, это разные центры власти обмениваются шифровкой. А народ видит их переписку, но ни слова не понимает! Ясно? – Он говорил почти как Рудольф.
- А для народа про что передачи?
- Про старушку, которой пенсию прибавили, про любовь и про отгадывание букв.
- А ему про политику знать не хочется?
- К сожалению, не хочется. Он голосует кошельком, читает и смотрит, что маньяк съел девушку, а Пугачёва бросила Киркорова. Ему в новостях только одно хочется увидеть: во власти все воры и подонки. Прочитал, успокоился, значит, и ему можно!
- А те, кто интересуется политикой?
- Это уже не народ.
- Раньше знала, зачем телевизор, оказалось, он за другим.
- Такие вещи полезно понять, ласточка моя, пока не начала в нём работать. К слову, мне твоя телекарьера перед выборами ни к чему. Надеюсь, пилотом всё и закончится.
- И не надейся! – с вызовом ответила Валя, она уже знала, что «пилот» – это не про лётчиков, а пробная съёмка передачи.

А через несколько дней вечером зазвонил городской телефон.

– Здравствуйте, Валентина, – напряжённо поприветствовал женский голос. – Это Елена Сизова. Мама Вики.

– Слушаю вас, – стараюсь казаться спокойной, ответила Валя.

– Вике скоро 18, и я хочу решить вопрос с жильём, – говорила небрежно, как о незначимой вещи.

– Как именно? – спросила Валя.

– Почему я должна с вами объясняться?

– Потому что вы мне звоните, а не я вам.

– Когда она станет совершеннолетней, опека разрешит продать квартиру, – неуверенно сказала Викина мать.

– Конечно, если Вика получит свою долю.

– Вы хотите её присвоить?

– Нет, это вы хотите её присвоить! – возмутилась Валя.

– Однажды Вика наиграется «в гости» и вернётся домой, вы этого понять не можете, потому что у вас нет детей.

– Наоборот! – металлизировала голос Валя. – Это у вас теперь нет детей, а у меня есть Вика!

В трубке раздались короткие гудки. Валя начала нервно ходить по комнате из угла в угол. Слава богу, Вика гуляла с Шариком. Минут через пять снова зазвонил телефон.

– Это опять я, – продолжила Викина мать. – Давно хочу сказать, вы – моё проклятие, мой камень на шее! Вы жили с моим мужем, вы отняли у меня дочь, теперь нацелились на мою квартиру.

– С Мишей вы сто лет как не жили. Вику я выгнала из наркотиков. Квартира такая же ваша, как и её. Можем встретиться впятером: вы, Миша, Вика, я и юрист.

– Я ведь сразу, как вы лягнули про явление Богородицы, поняла, что съедите меня в сыром виде! – фыркнула Викина мать.

Предстоял неприятный разговор с Михаилом и Викторией, но Валю многому научила квартирная история Сони с Герой.

Она набрала телефон Михаила и услышала ожидаемое:

– Не хочу с ней иметь дела!

– Это Викино жильё. Откажись от своей части в пользу дочери. Или вам обоим плевать, где ей жить, когда вырастет?

– Будет обычная сцена, крик, упрёки. Пойду только с юристом.

В дверях повернулся ключ, и Вика потащила Шарика в ванную мыть лапы. Валя встала за её спиной, рассказала о звонке, аккуратно сгладив углы.

– Её-моё! Это ж бабушкина квартира! – не поворачиваясь, ответила Вика.

– Твоя мама хочет устроить личную жизнь. Пусть устраивает, но отдаст твою долю, – сказала Валя.

– А чё, блин, сама мне не сказала? Я у неё на той неделе обедала, – удивилась Вика.

– Прощупывает почву, хочет знать, что я думаю.

– Да пусть подавится квартирой!

Повисла пауза.

– Получается, мы будем втроём жить в двух комнатах, а они вдвоём в четырёх? – осторожно подбирала слова Валя. – Думаешь, мне легко пахать, не имея места, чтоб закрыться, когда всё через край?

Вика минуту помолчала, повернулась, виновато заглянула Вале в глаза:

– Я ж – тварь задротная, привыкла у тебя на голове сидеть! Прости! Всё, как скажешь, обьюристю.

Ох, это была встреча! Юристом, естественно, прикинулся Тёма. Собственно, он заканчивал юридический и знал по милицейской работе все ходы и выходы по жилью. Собрались на нейтральной территории кафе на Ленинском.

Михаил, несмотря на свой рост, выглядел потерянным мышонком. Вика хорохорилась. Её мать была вполне сдержанно одета, хотя волосы по-прежнему зазывно отливали красным деревом. В машине за дверью кафе её караулил сожитель. Валя заказала всем кофе с пирожными.

– Документы принесли? – официальным тоном спросил Тёма, надевший ради этого костюм с галстуком.

В этом костюме он водил Валю к бандитам, а много лет назад в нём же женился. Но с тех пор поправился, так что воротник пиджака впивался в шею, и Тёма всё время вертел шейю, будто за шиворотом у него копошится насекомое.

– Но мы собрались только обсудить, – развела руками Викина мать.

– Без документов теряем время, – поддержала Валя Тёму.

– Миша, полагаешь, ты имеешь права на квартиру моего отца? – оскорбительным тоном спросила Викина мать.

– У меня нет другого жилья, – под нос себе ответил Михаил, покраснев.

– Потому что ты на него не заработал! У тебя и семьи не стало, потому что ты на неё не зарабатывал! – понесло её.

– Ты пришла папку опускать? – зло спросила Вика и демонстративно придвинулась со стулом поближе к отцу.

– Мы собрались обсуждать квадратные метры, – вмешалась Валя, чтоб Вика не успела пойти вразнос.

– Это для вас квадратные метры, – в глазах Викиной матери внезапно заблестели слёзы. – А для меня это детство, комнаты, по которым ходили родители. Брак, маленькая Вика... Вы же ничего не знаете про нашу жизнь!

– Мать, включи мудрость, – остановила её Вика. – На хрен её продавать?

– Муж хочет привезти мать с сестрой. Нужна квартира побольше, – пояснила Викина мать скорее всем, чем именно Вике, и назидательно добавила: – А твоя комната всегда ждёт тебя.

– Чё ты гонишь? – перебила Вика. – Хач ещё при мне держал там ящики с товаром и в любой момент мог вpirаться и лезть ко мне!

– Давно уже нет никаких ящиков. Он теперь занимается бытовой техникой, – возразила Викина мать, искренне не услышав глагола «лезть».

Но, несмотря на это, Валя почувствовала в интонации что-то выталкивающее её и Тёму из-за стола, словно они подсматривают в замочную скважину. Потому что этим троим вместе было комфортно. Не настолько, чтобы снова срастись в семью, но достаточно, чтобы обволочь друг друга теплом прошлого, в котором нечего делать посторонним.

– Думаю, мы тут больше не нужны, – объявила Валя. – Как решите про квартиру, встретитесь с Артёмом с документами. Вик, ты не против?

– Ага, – неожиданно умиротворённо сказала девочка, а её мать кинула на Валю благодарный взгляд.

Валя нашла официантку и оплатила заказ.

– Ты, Валёк, трёхнутая доброхотка! – аж пристыдился Тёма.

– У Миши нет денег, она опять унижит его при Вике.

– Бабёнка в соку, – хмыкнул Тёма. – Я б с ней замутил.

– Вон в машине хахаль, – показала Валя.

– Так то торговая чурка, у него пять статей Уголовного кодекса на низком лбу. А мужик твой бывший – кастрат опущенный! Если б к моей дочке кто полез, я б его в том же месте растворил в кислоте!

Валя шла возле Тёмы и про себя удивлялась, как легко оставила их втроём. И уверена, что Вика после этого не сорвётся и всё каким-то непонятным образом устаканится в сторону человеческих отношений.

Потому что время лечит если не всё, то очень многое. А Вика, вернувшись с этой встречи домой, с многозначительным выражением лица протянула Вале маленькую коробочку. В ней лежали простенькие золотые серёжки.

– Что это? – удивилась Валя.

– С папкой купили, типа тех, что я у тебя на дозу попятила. Точно таких не нашли. Эти похожи, только без камушков.

А Валя и не помнила, какие в них были камушки, она ведь тогда инстинктивно отодвигала от себя всё каменное.

Рудольф снова позвонила и пригласила в Останкино. Стол кабинета был завален рисунками и чертежами, она нависала над ними, ероша короткие жгуче-чёрные волосы:

– Закопались в этой байде. Садись, Лебёдушка, будем думать. Гляди, у всех запись, у нас, как бы, живняк! Не всегда, но в основном. Слева небольшой зритель, штук сто. Студенты и сумасшедшие. Ты в кресле, рядом гость. Вот эскиз студии.

– Почему всё рябое? Какой-то пуантилизм! – Валя научилась этому слову у Сони и авангардиста Васи.

– Художник уделал всю студию под берёзу. Как бы ложки-матрёшки. Посреди Василиса Премудрая, она же Прекрасная!

– Я, что ли? – смутилась Валя.

– Ты – материал, я – закройщик. На тебя вся передача будет пахать, а ты одна будешь собирать все пряники. Смотри, это вопросы гостю, которые лепишь с проникновенным лицом. Внутри сунем тематический сюжет на мониторах и закончим какой-нибудь ярко поющей бл. Но тебе придётся столько мыла налить, чтоб страна заплакала, будто оно ей в глаза попало!

– И всё? – удивилась Валя.

– Всё, – придиричиво оглядела Валу Рудольф. – Что делаем с твоей башкой?

– Ничего, – насторожилась Валя.

– То ли косу заплести, то ли конский хвост начесать? – смотрела на неё Ада, прищурившись. – Может, волосы вытемнить, чтоб глаза резче смотрелись?

– Нет.

– Ты – книжка-раскраска, как захочу, так и раскрашу, – хмыкнула Рудольф.

– На это не гожусь, – Валя решительно встала, – я не Зайчиков.

– При чём тут Зайчиков? Когда вижу его на экране, у меня краснеет седалищный нерв! Ладно, пока ты кобыла необъезженная, начнёшь с имеющейся башкой, – вовремя отступила Ада. – Воткнём туда похабную заколку типа палеха. Дальше вязаные платёжки, валяные бусики, шали, низкий каблук, скань-филигрань. Русское чучело, прорабатывающее архетипы широких слоев населения, набивная ткань на котором не выглядит липой. Улыбнись!

– Зачем? – удивилась Валя.

– Всеми зубами.

– Только лошадей по зубам выбирают.

– Не только! Если что, зубы тебе новые подклеим. И ресницы.

– Нет, – снова ошетинулась Валя.

Ада прошлась по кабинету, как огромная бабочка в свободно колышущемся на необъятных телесах цветастом шёлковом платье. Подошла к зеркалу, насвежо подкрасила губы и без нажима сказала:

– А может, ничего клеить и не надо. Телевидение, Лебёдушка, не академия наук, а совершенно непредсказуемая х. Сказать, почему один становится звездой, а другой нет, невоз-

можно. Есть выражения: нутро, струнка. Иногда вроде и нутро богатое, и струнка звенит, а пусто. Одного камера любит, а другого наповал убивает.

– Меня любит? – на всякий случай спросила Валя.

– Тебя любит взасос! У тебя мышечная анатомия такая, что не можешь заискивающе улыбаться и нагибать шею. С такими как бы тяжело в ученье, легко в бою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.